

18+

Игорь Разумовский
*Патологоанатом. Анатомия
патологии*

Игорь Разумовский

Патологоанатом.

Анатомия патологии

«Издательские решения»

Разумовский И.

Патологоанатом. Анатомия патологии / И. Разумовский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-646590-9

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** В
этом остросюжетном, напряжённом детективе переплетаются мистика
и философия. В заштатном городке живёт при больнице прозектор,
умеющий общаться с мёртвыми. Параллельно местный следователь начинает
распутывать дело о непростом преступнике, терроризирующем практически
весь городок посредством прирученного маньяка. Следствие то заходит в
тупик, то идёт по ложным следам. И только прозектор со своим невероятным
даром медиума может ему помочь во всём разобраться. Но этот путь опасен и
коварен...

ISBN 978-5-00-646590-9

© Разумовский И.
© Издательские решения

Содержание

Вместо пролога	6
2	14
3	25
4	39
5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Патологоанатом. Анатомия патологии

Игорь Разумовский

© Игорь Разумовский, 2024

ISBN 978-5-0064-6590-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПАТОЛОГОАНАТОМ. *Анатомия патологии.*

Родителям посвящаю...

Мёртвые не кусаются?

Точно не Билли Бонс

Вместо пролога

Он слышал лишь оглушительный звон в ушах, который вскоре превратился в нудное гудение, постепенно сошедшее на нет. И ничего не видел, кроме редких сполохов искр во мраке. Потом и они исчезли, оставив лишь тьму и тишину. Ни единого запаха и нет вкуса. И совершенно не чувствовалось тела. Сознание, устав биться в панике, неспешно, но неотвратимо пришло к покою.

И тогда всё изменилось.

Внезапно он ощутил вибрацию всей кожей, от макушки до пят. Источником этого, как он вдруг с удивлением понял, оказался голос маленькой мёртвой девочки. Теперь звук он воспринимал осязанием. И это не пугало, а скорее удивляло. Будто где-то в подсознании, в глубинах реликтовой памяти спинного мозга он понимал, что на самом деле так и должно было быть изначально. Вот только досадные помехи мешали ранее осознать это и принять, как норму. Вернее, просто вспомнить свой первый миг, когда ещё не было ничего, ни света, ни запаха, ни вкуса, только вибрация, которая исходила откуда-то сверху и являлась единственным, из чего состоял тогда весь его маленький мир.

Возвращение к началу.

– Не бойся! – задорно сказала она, и кожа его мелко приятно задрожала. – Иди сюда! Дай руку!

Прикосновение.

Теперь он увидел бесконечные разноцветные неоновые полосы, прихотливо сплетающиеся в спирали и узлы. Так он чувствовал тактильный спектр. Глазами или чем-то, их заменившим. Но по ощущениям точно знал, что маленькая мёртвая девочка протянула свою ладонку и ухватила его запястье, приглашая за собой и стараясь помочь.

А в то, чем теперь являлись его уши, вдруг ударил вкус молодой травы под стопами, свежего, как мятный леденец, ветра и приятное амбре с молочными нотками от самой его спутницы.

Все органы восприятия легко и естественно поменялись местами. Но теперь это казалось единственно верным и правильным порядком. Именно так он и представлял себе этот новый невероятный и диковинный мир. Который непостижим до самой крайней черты, такой призрачной и такой непроглядной. Хотя она отделяет его от привычного мира настолько иллюзорно, что отныне видится тоньше волоса.

И в то же время этот новый мир оказался теперь таким знакомым, таким неуловимо забытым на долгие годы, составившие целую жизнь. Жизнь длинную, взбалмошную, суетную, но необходимую, как шаг в верном направлении. Без этого шага не может быть дороги. А теперь шаг сделан, и дорога развернулась под ногами, бесконечная, манящая, великолепная...

– Ты хороший! – сообщила маленькая мёртвая девочка, здесь оказавшаяся совершенно и сказочно живой. – Ты справился!

– Я лишь сделал, что должен, – улыбнулся он, растянув губы, ощутив новые странности. Улыбка была клубничного вкуса, а его голос будто проливался мимо него извне, заставляя мир вокруг подёргиваться рябью. – Но, теперь понимаю, что это не имеет никакого значения. Как мы все были слепы и глухи! Как же зря мы боялись такого естественного, как дыхание явления! Того барьера, как мы его себе представляли, который есть лишь порог в новую удивительную жизнь!

– Да! – так же озорно, как и в первый раз, воскликнула маленькая мёртвая девочка. – Мы оставили их там, за спиной, в их маленьком болотце. А нас ждёт целый большой и свежий океан! Ты бывал на берегу океана?

– Нет.

– Так пойдём скорее! Нас ждёт много интересного.
А потом потянула его вновь и добавила уже серьёзно:
– Целая бесконечность...

1.

Вспышка.

Свет в конце тоннеля.

Многие умершие, по слухам, видят его. Даже слышат нечто, наполняющее тоннель звучанием. То ли хорал ангелов, то ли последние колебания жидкости, наполняющей внутреннее ухо, то ли просто беспорядочная агония распадающегося мозга. И ещё многие умершие, тоже по слухам, имеют удовольствие наблюдать, как перед ними проносится или мелькает, или разворачивается картинами вся их прошлая жизнь. Что же досталось ему? Первое?

Свет был тускл и неверен. А вокруг распростёрлась мягкая и тёплая тьма и пустота. Пустота, хоть и оказалась тёплой и приятно упругой, стала толчками выдавливать его к свету. А ему не хотелось. Ему хотелось остаться тут, в тиши и покое, как водолазу под «колоколом», случайно ушедшим на дно. Но бархатное нечто, облегающее его обоюдно повсюду, осторожно, но настойчиво продолжало выгонять его к свету.

Тогда он протянул руку вперёд, желая остановить бессмысленное неумолимое выдворение, и удивился. Рука оказалась крошечной, жёлто-розовой, прозрачной. Внутри видно было маленькие хрящики вместо костей, а ладонь упёрлась в прозрачно-мутную стенку околоплодного пузыря. Он наблюдал своё рождение. Он не мог этого помнить, но помнил! Значит, это не то самое последнее видение пресловутого тоннеля, а как раз панорама пролетевшей жизни...

Вспышка.

Сейчас он почему-то наблюдал себя со стороны. Маленького, сидящего в песочнице, измазанного и сосредоточенного, закусив губу, лепящего кулички. И где-то на краю горизонта, на него пала тень мамы. И её громовой голос: «Смотри, птичка! Воробушек!» Малыш в песочнице посмотрел на него самого, они встретились глазами, и мир завертелся вокруг...

Вспышка.

Кажется, это называется: «флешбэк». Киношный приём для разрыва повествования, чтобы вернуться и показать что-то из прошлого героя. Такое с ним творилось сейчас, и остановить это самостоятельно он пока не мог. Не научился ещё управлять этим новым процессом. Странность ещё оказалась в том, что он опять видел себя со стороны, а не как до того, в утробе. Будто чьими-то чужими глазами, от третьего лица. И опять снизу вверх.

Теперь он видел строй маленьких одинаково одетых детей, стоящих смиренно в ряд. Перед ними росла громада постамента, на котором стоял вырубленный из известняка Вождь. А взрослая дама в нарядном платье повязывала детям на шеи красные галстуки. Он вспомнил. Так его принимали в пионеры. У них в городке, на Первомай, у памятника Ленину.

Новая вспышка, без перехода и логики.

Теперь они студенты, празднуют получение диплома. Он и его друг Толька бросают в воздух импровизированные светло-зелёные академические шапочки, окончив медицинский институт. Вокруг толпа таких же радостных мальчишек и девчонок. А вид на них теперь сверху и в кружении, над взлетающими к небу квадратиками с кисточками на верёвках. Как будто это птица летает над толпой выпускников, отняв его глаза и транслируя ему картинки.

Ещё одна вспышка.

Теперь он разглядел себя сидящим у края борта кузовного военного «Урала», с автоматом между колен, в каске с красным крестом, небритого и встревоженного. Вид будто с ветки дерева на проезжающую мимо колонну. Вьётся первый беспечный снежок, ещё не зная, что

скоро он окрасится чёрной грязью и красной кровью. Совсем рядом слышится натужное хриплое карканье. Смутные времена, страшная развязка...

Нет!

Дальше видеть ту самую жизнь, что всполохами коротких «флешбэков» мелькала теперь перед ним отстранённо, от третьего лица, а скорее, от взора разных птиц, попадавших ему на жизненной дороге, он не хотел. Он помнил всё отпущенное дальше время в деталях и подробностях, и не хотел повторять виденное ранее. Усилием воли он напрягся и зафиксировался в случайном положении. Положением этим оказалось нечто, парящее высоко в небе. Над его городком. Жарким летним вечером.

С высоты птичьего полёта городок казался чистеньким и аккуратным. Но, если спуститься вниз, иллюзия мигом рассеется. Всё та же пыль, всё та же грязь, всё тот же мусор проступят и проявятся, как и в любом подобном городишке. Только та птица, через глаза которой смотрел он, пока не собиралась пикировать к грязи и мусору, просто планируя на тёплых восходящих потоках. Край крыла то и дело попадал в поле зрения, и он определил его, как голубиное.

А городок, что раскинулся сейчас под крылом, являл собой зрелище умиротворённое и пасторальное. Закуклившийся в своей патриархальности и от этого самодостаточный. Замерший, будто янтарём залитый, чтобы стать сувениром или экспонатом в музее изящных искусств. Окраины, несомненно, были живыми, они разрастались, тянулись к небу крышами новостроек, а вот центр оставался недвижим и неизменяем, как по команде: «замри!» Но ведь так оно и лучше? Для такого городка?

Говорят, голуби олицетворяют собой души, и даже Святой Дух изображается в виде белого голубя. Их гипсовые фигурки ещё иногда можно встретить на могильных обелисках старых погостов. Как сидящих или воспаряющих, безнадежно стремящихся к жизни, так и лежащих ничком, свесив голову за край, являя собой этой жизни окончание. Но этот голубь не был гипсовым и не щеголял белым оперением, мало походя на хоть сколько достойное воплощение Духа.

Нет, он был простой сизой грязновато-потрёпанной тривиальной птицей с окраин.

Конечно, голубь не знал ни как называется то, что раскинулось под ним мозаикой разноцветных крыш и купаами зеленых крон и кустов, ни зачем оно тут и каковы его перспективы. Да это ему и не нужно. Голубь просто созерцал всё, что попадало в поле зрения его тёмно-оранжевых глаз, попутно привычно выискивая, чем бы поживиться. И поэтому, глядя, словно из-под его крыла, гипотетически можно было подглядеть многое, скрытое от обычных человеческих взоров, привыкших оценивать мир с высоты своей головы. А так как голова всё же обладает разумом, то можно было не только представить и увидеть, но и понять, определить и структурировать всю совокупность полученной общей красочной и прекрасной картины.

Он, смотрящий сквозь голубиные глаза, удовлетворённо замер, не двигаясь, не напрягаясь, не думая, стараясь раствориться в созерцательной нирване, просто насладиться тем, что само проносится перед взором. Не тревожить это странное призрачное бытие, не пускать круги и рябь по этой псевдореальности. Просто наблюдать. Тихо и комфортно, без суеты и паники. Наслаждаться тем, что имеется. Не стремясь достигнуть высших сфер и не руша то, что есть. Просто подсматривать через голубиные глаза, иногда с мысленной улыбкой отмечая нечто интересное или знакомое.

Городок, что раскинулся внизу, назывался Китежградом, но его жители предпочитали сокращённо-упрощённое: «Китеж». Был он маленьким, и как сказали бы лет сто назад, уездным. А лет пятьдесят назад, впрочем, и до нынешних дней – районным центром. Лежал он в окружении полей, лесов, рошиц и речек, а юго-восточной частью упираясь в овальную чашу озера Светлояр. Озеро, с противоположной от городка стороны, подковой охватывал дубовый бор, сходясь рукавами почти к окраинным постройкам. А с фасадной части озера к городу

от воды, с тонкой песчаной полоской пляжа, вела недлинная берёзовая аллея. Сам Китеж, с населением чуть более пятидесяти тысяч, ничем примечательным не отличался, особо не блистая ни оригинальностью, ни уникальностью, ни неповторимостью. Таких по России – сотни.

Вот исторический центр, представленный дрянными останками деревянного кремля, расположившегося почти на отшибе, оттеснённый туда советской застройкой. Окружённый стандартной продольно-перпендикулярной нарезкой улиц, чудом сохранивших свои доперестроечные названия: «Школьная», «Пролетарская», «1 Мая», «Октябрьская». Ну, и конечно, центральная называлась: «Советская». На ней, как главной, и располагались все остальные невеликие достопримечательности для заплутавших одичалых туристов. Церковь венчала теперь один её торец, блестя золотом крестов и синевою куполов. Другой стороной улица упиралась в торговый центр, оплот капиталистической торговли. А на всём её остальном протяжении, от храма Духа до храма Мамоны, как бусины нанизались по обе стороны гостиница и дворец культуры, заменяющий тут театр, далее – ресторан и городская управа, спорткомплекс и стриптиз-бар. Не говоря о многочисленных сетевых магазинчиках, мастерских по ремонту всего на свете, бутиках с претензией на пафос и забегаловок разной степени приличности. Где-то на её середине и торчал теперь тот самый вождь мирового пролетариата с изгаженной птицами лысиной, высившийся ранее на площади его имени, пока её не подвергли реновации. Теперь вокруг крошащегося постамента разросся рахитичный сквер, утопив бывшее величие в зелени, разбив асфальт клумбами и газонами, обзаведшись урнами и лавочками, где коротали время, просиживая на них штаны и юбки, сливки общества вперемешку с маргиналами, стараясь не пересекаться, что выглядело довольно забавно с учётом его размеров.

А по южной окраине тянулись корпуса когда-то градообразующего предприятия Китежградского технического завода. На котором в светлые времена застоя и холодной войны производили сверхсекретные «мирные советские тракторы». Плюс, какие-то запчасти для ракет, способных не только «нагнуть» буржуев морально, но и попутно стереть в пыль всё их загнывающее великолепие и даже сами воспоминания о ненавистном вероятном противнике. Только после известных событий по распилу и откату, ваучеризации и экспроприации всего и вся, завод, выражаясь медицинскими терминами, принялся испытывать асфиксию, потом некроз и в итоге предсказуемо загнулся в тихих конвульсиях, быстро миновав терминальную стадию. Далее там пытались что-то открыть местные ушлые предприниматели, бизнесмены и даже некоторые особо продвинутые байкеры, но почти мистическая слава былых времён прогнала их оттуда аурой загадочно-зловещих историй о бродящих в полумраке корпусов неуспокоенных горячих нуклидах и боевых отравляющих миазмах. Краем его теперь цепляли лишь пенитенциарное заведение с именем из непонятного бессмысленного набора букв и цифр, нечто вроде: «ИУ №2 УФСИН», труппы гаражных кооперативов, запомоенные пустыри, плавно переходящие в парковые зоны, компенсирующие своей нерукотворной зеленью предыдущее мусорное убожество, как производное рук человеческих. В этих парковых конгломератах собирались в основном спортсмены, лишь на ночь, передавая вахту пьяницам. Далёкая же равно как от спорта, так и от «ЗОЖ» молодёжь предпочитала центр.

Зато весь остальной народ любил отдыхать на берегу раскинувшегося неподалёку озера Светлояр, по легенде чуть не поглотившего Китеж вместе с полчищами басурман. К озеру, как упоминалось ранее, шла тенистая берёзовая аллея, а с противоположного края его охватывала дремучая дубовая роща. Где с весны до осени перманентно жарили шашлыки, культурно отдыхали, прячась от полиции, и предавались прочим невинным разнообразным забавам простые граждане. Все те, кто не хотел соседствовать с маргиналами и мажорами в сквере с пыльным и обгаженным голубями памятником или переться на окраину в парк, с риском нарваться на неадекватных атлетов и их пьяных антагонистов.

В общем, обычное провинциальное захолустье. Правда, местные так не считали, ибо своё болото хвалить – дело благодарное и где-то даже патриотичное. Да и другого ничего не оста-

ётся. Ведь больше ничего и никого, за очень редким исключением, выдающегося и нетривиального тут не наблюдалось, и приходилось довольствоваться тем малым, что хоть как-то заронилось в эти скудные земли, давая неверные всходы. Потому что ни великих полководцев, ни знаменитых артистов, ни блестящих политиков отсюда не вышло. Но, если откинуть общемировые масштабы и сконцентрироваться на простых обывателях, то и из их серой массы можно было выделить некие крупные жемчужины. Со своим, естественно, колоритом. Они не то, чтобы блестели и сияли, но, как и всё неординарное, имели непередаваемый тонкий шарм. В конце концов, не место красит человека, а наоборот. А уж он красит так, как может.

Голубь лениво развернулся над пригородными «фазендами» местных «олигархов». Местечковые предприниматели, бывшие бандиты и современная политическая, и культурная элита любили жить вонне провинциальности Китежа, дистанцируясь коротким пролётом шоссе и прикрываясь высокими заборами. Стараясь думать и представлять себя частью чего-то оторванного от суровой действительности, чего-то сказочного и фантастического, вроде виллы на Лазурном берегу. Со скидкой на местные условия, конечно. Газоны тут были выстрижены и ухожены, бассейны лучились неимоверно яркой ядовито-голубой хлорированной водой. Домики радовали качеством отделки, ровностью линий и гармоничностью перспектив.

Голубь снизился, заметив внизу движение, сделал круг над одной такой «виллой», расступившись особняком ото всех, на вершине плюгавого холма. Там, за трёхметровым глухим бетонным забором, меланхолично покачиваясь на качелях, грустила маленькая девочка, лет двенадцати. Одета она была добротно, только вот радости от ощущения себя внутри бетонированной «сказки» она не выказывала. Наоборот, какая-то тоска и неуютность грызли её изнутри. На сиденье качелей рядом с ней лежала открытая пачка с печеньем. И голубь спикировал вниз, заметив возможное лакомство.

Он, внутри птицы, тихий и без того, как подселившийся без ведома хозяина паразит, замер, узнав её. Та самая. Его спутница. Только в этом отрезке времени – живая. Тревога и тоска чуть кольнули холодной иглой. Картинки прошлой жизни стремительно перелистывались. Их осталось мало. И это наводило тень грусти. Светлой, но такой щемящей. И, тем не менее, не хотелось отказываться от такого земного, теперь начинавшего забываться чувства. Не будоражить «носителя». Пусть голубь ведёт себя так, как положено голубю.

Девочка увидела севшего на дорожку, выложенную розовой тротуарной плиткой голубя, чуть улыбнулась и осторожно потянулась за печеньем. Голубь покрутил головой, примериваясь и оценивая степени опасности и кормёжки. Но девочка была не опасна. Она бросила ему половинку рифлёного угощения и смотрела, как он жадно набивает себе зоб, боясь, как бы не налетели сородичи или не явилась кошка. А потом она сильно оттолкнулась ногами и качели издали громкий немелодичный скрип. Голубь всполохнулся, хлопая крыльями и потеряв перо, взмыл в панике от резкого звука.

Девочка лишь проводила его взглядом, полным тоски и зависти.

Голубь же продолжил облёт своих владений, вновь высматривая съестное или нечто, похожее на него. Зайдя на городские кварталы с северо-запада, он снизился, выглядывая знакомое кафе, где посетители оставляли иногда на столах недоеденные остатки, а нерадивые ленивые вялые официантки забывали их вовремя подобрать. Но тут его ждало разочарование, так как все столики в этот вечерний час были пусты, кроме одного. Да и за этим сидели двое мужчин сурового вида. Один грузный, заматеревший, с глазами, совершенно кошачьими, жёлто-медовыми и хищными. Как у филина или дикого кота. Второй был похож на сухого поджарого мускулисто-смуглого добермана. С почти русыми, выгоревшими на солнце волосами и каштановыми внимательными бусинками глаз. Они ничего не ели, а только пили иногда сок из пластиковых стаканов и непрерывно курили.

Тут разжиться было нечем.

И вновь знакомые лица. Особенно того, что худ и собранно напряжён. Прошлое, прошлое, ты шелестишь по чувствам, как ловкий тонкий палец шулера по колоде карт. Заставляя вызывать к жизни бывшие когда-то важными образы и поступки. Какая теперь разница?

Пролетев вдоль центрального проспекта, голубь крутнулся вокруг креста на синей маковке Владимирской церкви. Внизу, на прилегающей паперти стоял лакированно-чёрный «Мерседес». Из него вышел и обнимался с настоятелем, сливаясь в тройном православном поцелуе, пришлый священник. Наверное, в гости пожаловал, опытом меняться и наставлять младших и паству. Тут тоже, кроме пары замерших на переставшем жарить закатном солнышке нищих, откидывавших на стены длинные чёрные хиросимские а-ля «негатив стайл» тени, кушать было нечего.

А нищие и сами, наверное, голодны.

Голубь передохнул, спикировав на монумент Ильичу, сев прямо на куполообразную широкую макушку. Вокруг раскидало выщербленные лавочки и на них валом навалило подростков с «мобилями» и бутылками пива в руках. Молодёжь сидела стайками и поодиночке, одетая модно и ярко или просто и серо, но для голубя вся эта разношёрстная публика была на одно лицо. Впрочем, как и все голуби для любой из молодых особ, которые обитали на лавочках в сквере. Они лузгали семечки и грызли сухарики, но подлетать к ним, как знал голубь по своему горькому опыту, было весьма необдуманно и опасно. Вместо еды можно получить в лучшем случае плевок, а в худшем осколки стекла в бок от разлетевшейся рядом бутылки. Поэтому голубь просто облегчился на темя В. И. Ульянова, подобно современным кликушам, только настоящим помётом, а не идеологическим, освежив уже ставшую серой засохшую «блямбу» с потёками к ушам и затылку, как привет от множества его предшественников.

На молодёжь, лениво огрызавшуюся или просто игнорировавшую, тряс клюкой старик с лицом, как у того памятника, на котором сидел голубь. Он указывал клюкой то на памятник, то на молодых людей, жестикулировал и брызгал скупой слюной, тыча иногда себя в одинокую медаль на лацкане пиджака. Наверное, хотел вразумить и наставить, но его патетику прервало появление городского сумасшедшего, вихляющей походкой вырвавшегося из кустов сквера. Он что-то горячо запричитал, размахивая руками и внося в представление здоровую дозу безумия. Молодые потешались, старик закатывал глаза и разводил руки, а юродивый веселился от души.

«Кеша» – вспомнилось тому, что почти растворился внутри пернатого экскурсовода. – «Вернее, его звали по-другому, никак не вспомнить. Тимофей? Нет, это дед с клюкой – Фёдор Тимофеевич... или... я путаю? Дед ведь к этому времени уже умер? И это другой, подобный, дед? Да всё равно, какая разница?»

Кутерьма меж тем продолжалась, набирая обороты. Подростки ржали в голос, сумасшедший кривлялся, старик плевался под ноги и показывал неприличные жесты. Голубь счёл, что стало слишком суетно и шумно.

И полетел дальше.

Красивая девушка вырливалась на элегантно зализанном мощном красном кабриолете со стоянки у гостиницы. Она словно потерялась в пространстве, случайно материализовавшись в этом захолустье. И сидящий на лавочке хмурый и пьяный мужик замер, выпучив глаза, не веря тому чуду, что они видят. Девушка заметила пялившегося на неё алкаша, но виду не подала, а только загадочно и с превосходством улыбнулась. Вспомнилось и тут же забылось что-то и про неё, и про него. Были, были вокруг всего этого события, но вот какие? Память истиралась, сопротивлялась, не хотела впутывать нити былого в теперешнее прошлое. Абстрагировалась, стремясь лишь к лицезрению без вмешательства и ворошения, лишь к чистому созерцанию без выводов и перспектив. Наверное, её, эту яркую девушку, в отличие от него, потёртого пьющего и унылого, впереди ждали весьма радужные перспективы.

Но, как знать?

А впереди уже выростали громады новостройки с удобными светлыми большими квартирами, с современными удобствами и технологиями. Там, в открытом окне, в полумраке сгорбился программист, судя по всему, раз на чёрном экране складывались в строки только ниточки белых символов. Другой бы кто в этот летний вечер играл, наверное, во что-то яркое или смотрел бы калейдоскоп роликов. А этот – нет, корпит над своей «абракадаброй». «Лев?» – ткнулась непроизвольно непрошенная мысль-воспоминание. – «Не похож на царя зверей»...

Севшего на подоконник голубя Лев даже не заметил. Наверное, потому, что вид у него был какой-то потрёпанный. Нездоровый. Весь пожелтевший, ссохшийся, словно съедаемый изнутри немочью. То ли мало проводил времени на воздухе и солнце, то ли много у радиоактивного излучения монитора, заменившего ему весь мир. Вместо света – сияние экрана, вместо воздуха – накуренный смог, который бесполезно молотили лопасти напольного вентилятора. Только Льву было не до бытовых неудобств. Он так увлечённо клацал по клавишам, что не слышал и не видел вокруг ничего, даже если бы это не голубь, застенчиво цокая коготками по пластику, сел к нему на окно, а настоящий лев грузно бы брякнулся с верхнего этажа. И поклевать у Льва тут – ни крошки. Безблагодатно. А символами голуби сыты не бывают.

Пора дальше.

Вот уже и окраина. Тут тоже можно сделать остановку. Проверить кое-что, прежде чем лететь через озеро к гастрономическому буйству пикников. К кутящим, в пятничный вечер середины лета, жителям славного Китежграда. Здесь раскинулись широким веером корпуса городской больницы. А по аллеям медленно ползают в светло-бурых и блёкло-синих казённых халатах скучающие выздоравливающие, которые от нечего делать могут и прикормить голодную птицу. Но только что-то вдруг привлекло внимание голубя. Что-то блеснуло сталью в открытом окне первого этажа крайнего строения, более скупо отделанного и какого-то мрачно-отстранённого. Вдруг это человеческое блюдо с каким-то особенно вкусным кушаньем? Вон и яства внутри пакета странной мятой формы тускло блестят в луче садящегося светила.

А внутри залы – никого.

Голубь сел на подоконник, осматривая внутреннее убранство странно пустого места. Белые кафельные стены, с кое-где отколотыми и треснувшими плитками. Лампы под потолком, пока тёмные, но ощутимо налитые дремлющей мощью люминесцентного мёртвенного света. Два длинных блестящих нержавеющей сталью стола с желобками по краям. Широкие короба вытяжки над ними, свисающие с потолка. Старомодная грифельная школьная доска с мелком, измаранным засохшей красной субстанцией. Весы с широкой чашей и огромным циферблатом на стойке. Стекланные шкафы с бутылочками, мензурками и пробирками. Стол, кресло рядом, а у стены в ряд – каталки с чем-то, накрытым простынями.

Голубь не знал, что попал в одно из помещений местного морга, точнее, в его секционную.

А в пакете из фольги лежали остатки чипсов, оставленные так удачно без присмотра. Голубь ощутимо осмелел и впрыгнул внутрь, на подоконник, через край рамы. Он внимательно присматривался к странной еде, потом сунул голову в недра пакета и ухватил первую чешуйку вкуснятины. Потом ещё раз и ещё, уже совсем без страха. И проморгал появление в помещении человека. А тот вошёл почти беззвучно, не колыхнув ни единой простыни.

Заметив голубя, увлечённо хрустящего и шуршащего трофеем, патологоанатом, а это был он, неслышно прошёл к каталке с накрытым простыней трупом. А потом резко дёрнул простыню вниз. Покойник обнажился. А голубь, услышав громкий шорох, вывернул голову и, к своему ужасу, узрел сразу двух человек. Один стоял за каталкой, а второй лежал на ней и, казалось, искося хищно зыркал на голубя мёртвым страшным чёрным глазом.

И тут тот, кто смотрел через голубя на свет, вдруг замер. Острая пика осознания и узнавания немилосердно ткнулась через всё естество, пригвоздив заодно к доске и голубя. На миг

он овладел его телом абсолютно. Против своей воли, случайно, но остановил естественные голубиные стремления. И заставил птицу замереть, вперившись взглядом в патологоанатома. Так вот как он сам выглядит со стороны для остальных! Через голубиные глаза он увидел самого себя. За несколько месяцев?.. недель?.. до всего того фатального водоворота событий, что засосал его, как щепку.

Патологоанатом немного удивлённо смотрел на не желавшего улетать, потерявшего совесть и страх, голубя. В маленьком оранжевом глазу, не мигая уставленном на него, он различил свой силуэт. На миг зрение обострилось, и он увидел все детали. Самого себя внутри голубиноного глаза. Ещё миг – и видение растворилось. А голубь перестал притворяться неодушевлённым предметом, разморозился вдруг, ошалело повертел маленькой головкой, и, наконец, испугался.

Тот, что был внутри него, посмотрелся и отпустил недоумевающую птицу. Вернул ей вновь в полном объёме контроль за всем. А сам ушёл вглубь. Провалился в тёмное никуда. К своей спутнице. Ведь у них впереди много разного...

Затрещав крыльями, вновь теряя перья, перепуганный символ мира резко выкатился в открытые створы окна...

2

– А, вестник смерти! – проговорил патологоанатом. – Что-то ты припозднился. Всё уже свершилось. Впрочем, пора приступать.

Он говорил сам с собой. Но со стороны могло показаться, что говорил он с убежавшим голубем. Или даже немного и с тем стылým телом, что лежало перед ним на каталке. Никому не придёт в голову беседовать с покойником, но патологоанатом предпочитал именно мёртвое общество в пику одушевлённому.

Это был довольно странный человек.

Немолодой уже врач, занимавший должность патологоанатома в главной городской больнице, сорокапятилетний сидящий, но подтянутый Роман Андреевич Чайко. Когда-то его имя было на слуху всего города по разным, весьма экстравагантным причинам. К сожалению, в основном так выходило, что причины эти оказывались довольно скандальными, поэтому ленивый, хоть и охочий до всякой скабрёзности обыватель быстро терял интерес, если фигура патологоанатома переставала мелькать в заметках, сплетнях и просто в досужем трёпе.

Сам Роман Андреевич не стремился разжигать к своей персоне интереса по тем же причинам. Раньше он наоборот старался привлечь к себе внимание, имея некую оригинальную способность и стараясь добиться её принятия и признания, да вот только получалось это у него коряво. Совсем не так получалось, чтобы обрести действительно значимую положительную популярность. Выходило напротив, скандально и неоднозначно, щекотливо и эпатажно. Простой обывательский люд не хотел вникать в детали и подробности, с лёгкостью навешивая свой тяжёлый народный ярлык, а потом, отвлекаясь на новую байку или происшествие, при этом напрочь забывая о Чайко до следующего раза. Когда тот опять влипнет в очередной фарс с грохотом и треском ругани, мордобоя и прочего треша. И никто, кроме нескольких посвящённых не знал корней и истоков такого его сомнительного в плане собственной популярности поведения. Другое дело, зачем и почему он попадал в такие щекотливые конфузы, но обо всём по порядку и постепенно.

Необычность его оставалась заметна и даже известна лишь немногим приближённым. Как было сказано, простой народ быстро терял интерес без свежих добавок, оставляя в памяти лишь зарубку в виде: «а, это тот самый, который думает, что он экстрасенс или что-то вроде того», потому как род его деятельности не располагал к общению и многолюдности. Потому как общался Роман Андреевич в основном с трупами. Такая у него была специальная работа. А те, кому посчастливилось видеть, как он это делал, старались забыть мимолётное видение, как застарелое нереальное безумство с тонкими нотками липкого кошмара. Потому что Роман Андреевич общался с трупами не только в рабочем порядке, а ещё, так сказать, натурально, буквально, для своего удовольствия.

На полном серьёзе, что не могло не ошеломлять неподготовленного зрителя.

Нет, ничего такого, выходящего за приличные рамки, наблюдатели до поры до времени не замечали, но его привычка говорить с покойниками так, словно они живые, и даже что-то отвечают патологоанатому, слышное лишь ему, наводило на кожу случайного свидетеля и невольного участника мороз и мурашки, надолго лишая того аппетита и покоя. Поэтому подобные экзерсисы люди непричастные тщательно рассматривать и разбирать не любили, бережливо охраняя свой личный покой, но за Романом Андреевичем всё равно закрепилась слава человека странного и своеобразного. Мягко говоря. Зависело от точки зрения очевидца и его степени посвящённости.

Сторонний, случайный, залётный санитар, например, определял его не иначе, как чокнутого на всю голову безумца. Старая нянечка крестилась и бормотала: «Прости, Господи, жуть-то какая! Вот же странный у нас прозектор!» Молодая циничная медсестра, забыв о прикурен-

ной сигарете, шипела сквозь зубы: «Каждый ходит с ума по-своему». А главврач, которого с Романом Андреевичем связывали долгие годы совместной дружбы, учёбы, потом работы, и даже войны, плюс, некоторые общие сугубо интимные дела (именно дела, а не отношения), лишь приветливо и загадочно усмехался. Как бы намекая, что невинные слабости и прелестные странности есть у каждого, особенно у такого узкого профессионала, каким являлся этот мастер копания в человеческих внутренностях, экстравагантный и своеобразный доктор Чайко.

Сам главврач, Анатолий Владимирович Наумов, ровесник, однокашник и даже однополчанин прозектора, тоже являлся неординарной и противоречивой личностью. Презрев яркие высокие перспективы действительно столичной жизни; продвигая свою новаторскую практику в деле вывода пострадавших из комы, каковую он изучал и довольно успешно, ставя и выполняя невероятные задачи, буквально вытаскивая людей с грани того света; он, тем не менее, предпочитал делать свои научные прорывы именно в заштатном Китеже, не претендуя на величие и славу.

Впрочем, слава постепенно сама пришла к нему, чего он вовсе не жаждал, и теперь из многих, даже столичных клиник ему везли безнадежных коматозников, текли адепты и апологеты, стараясь поддержать знамя победы над сим страшным недугом. Наумов, как мог, помогал, наставлял и учил паству, параллельно творя квазичудеса. И, тут надо отдать ему должное, он совершал почти невозможное. С разным успехом, за разные интервалы, но с подавляюще положительной динамикой. Люди действительно переставали быть овощами, приходя в сознание и далее продвигаясь к поправке и полноценной жизни, под улюлюканье счастливых родственников и прочей посвящённой в тему научной братии.

Конечно, слава тешила его самолюбие, но он не тщился мыслью стать памятником самому себе, увешанным премиями и наградами. Вместо этого организовав на базе больницы клинику по подобию богоугодных заведений. Зарегистрировавшись, как бюджетное муниципальное здравоохранительное учреждение. Оставшись с одной стороны незамутнённым алчностью врачевателем, богом клиники с молящимися на него страждущими и их родней, финансовую сторону этого вопроса он умело подминал под свои нужды, находясь вовне, но всегда рядом с денежными потоками. Но и о родной больнице никогда не забывал, постоянно прокачивая оборудование и посылая персонал на тренинги и курсы повышения квалификации. Не говоря о таких банальных мелочах, как ремонты и улучшение быта, для сотрудников и для пациентов главной именной городской, в простонародии именуемой «Бурда». Благо, семьёй он в своё время не обзавёлся, всего себя отдавая служению Асклепию. Не всё время, естественно, и не за голую идею, только кто сейчас без заскоков, странностей и милых девиаций? Тем не менее, именно его стараниями простая номерная больница, первая, она же единственная получила собственное имя. Наумов пробил по всем инстанциям и добился того, чтобы ей присвоили имя известного основоположника советской нейрохирургии Николая Ниловича Бурденко. Так как сам работал в этой области, закончив в своё время вместе с Чайко Великобельский медицинский институт по специальности именно нейрохирурга. А вот Роман Андреевич выпустился травматологом и хирургом абдоминальным, как узкая специальность в данном контексте. Только после неких дальнейших событий и перипетий в их жизни он переучился уже специально на патологоанатома. И занял местечко под крылом своего великого уже друга в им же возглавляемой больнице, в его же тёплом ламповом морге.

Что характерно, морг в первой городской больнице тоже был заодно и единственным в городишке. Поэтому, разумеется, совмещал в себе обе ипостаси, и судебно-медицинскую, и патологоанатомическую, причём последнюю в гораздо меньшей степени. А следовательно, Чайко работал в тесном контакте с прокуратурой и Следственным Комитетом, которые щедро присылали ему биологический материал для работы, непременно желая знать истинные причины смерти того или иного бедолаги, попавшего в орбиту их интересов. Не всегда представи-

тели органов власти настаивали на верном и окончательном диагнозе, иногда они довольствовались формальным или примерно подходящим по ситуации или срокам. А ещё, совсем редко, но настоятельно они напирали именно на том резюме, которое было конъюктурно выгодно в тот или иной момент. Чайко не спорил, не упирался и не настаивал, в свою очередь, на обратном. Он считал это не коррупцией, а скорее философией этого падшего извращённого мира, не стесняясь иметь для себя в этом преференции. Но не холодный расчет двигал им в первую очередь, хоть без него не обходилось, а тяжело выстраданное житейское благоразумие. Времена инфантилизма и максимализма давно и безвозвратно прошли, оставив много моральных и несколько материальных шрамов. Он был немного мудрее и выше этих низменных змеиных интриг вечного противостояния закона, правды и истины. За что его не только не трогали, а всячески оберегали, окружали заботой и уважением. Создавали протекцию, раздувая миф, в принципе, законно оправданный, о его незаменимости и профессионализме. Впрочем, как раз профессионализма-то ему было не занимать. И на этой базе сперва и строился его имидж, чтобы потом работать не вопреки, а на его странности.

Жил он тут же, при больнице, что было удобно и помогало выстроить график по своему вкусу. Не по своей инициативе, конечно, а из-за сложившихся таким образом обстоятельств, но разве это повод печалиться для увлечённого своей идеей человека? Так уж вышло, всему есть объяснение, но не стоит сейчас об этом, не время вдаваться в детали. Есть много другого интересного. Имелся, конечно, и второй прозектор, напарник и сменщик в одном лице. Престарелая дама, умевшая и знавшая многое, но при этом не любившая практику. Её стезёй была теория и работа с документами и биологическим материалом, не напрямую связанным с трупами. Что тоже было обоюдовыгодно для обоих, поскольку именно работа с таким материалом и составляет львиную долю всей работы в целом. Поэтому они быстро и плавно договорились, что всей «бухгалтерией» и биопсией занимается она и днём, а работой с «настоящим материалом» – он. Причём тогда, когда ему это удобно, то есть, в основном, по ночам. Такая прихоть никого не удивляла, поскольку мало кто, кроме посвящённых, об этом знал, да и тем был важен только выдаваемый вовремя результат, а не время суток, когда он готовится.

Дама упорядочивала и систематизировала документацию хирургического отделения, куда входили лабораторные исследования операционного и биопсийного материала, являющиеся фундаментом клинического диагноза. Весь день она просматривала и писала заключения по препаратам операционного материала и исследованиям доставленного из операционных резецированных и удаленных в ходе оперативных вмешательств органов и тканей, на основании которых пациенты потом получали лечение. Это те, кому посчастливилось выжить.

Или посмертный клинический диагноз, кому не повезло.

Большая часть её работы вертелась вокруг живых, как ни странно это звучит, а патологоанатом любил лишь мёртвых. И работал только с теми, кто уже стыл в холодильниках. С теми, чья смерть оказалась в той сфере, которая требует вмешательства в их «внутренний мир» с целью установления причин её наступления. За эту любовь к трупам, что не стоит путать с некрофилией, главврач шутливо дразнил прозектора магистром танатологии. Только Роман, хоть и имел отношение к этой науке, но достаточно опосредованное, как он решил лично для себя. Когда-то он был травматологом, теперь приходится изучать материалы и по этой скорбной части, но это лишь дань профессии. Конечно, танатология, то бишь, наука о смерти, являлась иногда неотъемлемой частью всего массива производимого им труда, но не доминирующей и не преобладающей. Прозектору нравилась именно практика.

И на то были особые резоны.

Обычно, в таком заштатном городке как рождалось, так и умирало в день не более полудюжины человек, а часто и меньше. И в основном по причинам, не требующим вмешательства. Хоть и веяли время от времени наставления сверху о необходимости контроля и статистики, например, рака. Только кто станет истоиво упираться в эти исследования в таком городке, как

Китеж? Любой врач скорой помощи, прибывший к давшей дуба старушке, мог сам написать заключение. Исследования на туберкулёз, СПИД и прочие тревожные болезни давно перестали иметь важность и обязательность. Поэтому большинство клиентов Романа Андреевича проходили мимо его никелированного стола под лампами. А резал и описывал собственноручно он только случаи загадочные, сомнительные и таинственные, когда обойтись без исследования оказывалось никак невозможно. И таких для его удовольствия тоже всегда находилось достаточно, выбирая из всего многообразия поступившего материала.

Вот и сегодня перед ним лежал на каталке труп молодого человека, двадцати пяти лет, судя по сопроводительной записке, сына известного китежградского воротилы-цеховика, а в официальных кругах, успешного предпринимателя, Семёна Панкратова, известного так же, как авторитет Панкрат. При жизни сынок отличался завидным раздолбайством, олицетворяя собой картину, как не надо жить, если не хочешь умереть молодым и в страшных корчах. Бесконечные фестивали вечеринок, часто оканчивающиеся потом отлёживанием под капельницей в соседнем наркологическом корпусе или походом к венерологу в параллельном блоке больницы. А часто и то, и другое вместе. Плюс, всевозможные запрещённые препараты и вещества, весьма широко расширяющие сознание. Жаль вот, что к просветлению они сынка авторитета не привели, а скорее всего наоборот, загнали на каталку к Роману Андреевичу, под мёртвый равнодушный свет белых прожекторов прозекторского зала.

Патологоанатом прошёл к окну, взглянул на разорённый пакет чипсов, положил руку на округлое тельце маленького магнитофона, стоящего рядом. Вдохнул, проводив силуэт улётывающей птицы. Пошевелил пакет, потом щелчком ногтя толкнул выпавшие листочки чипсов за окно.

– Опять Женька намусорил, – хмыкнул он сам себе под нос. – Вот же свинтус!

Женькой звали ночного санитаря, подвизавшегося подработать, пока не минет срок его обучения. В учебный год днём он перманентно посещал лекции в училище, чередуя их с загулами по побратимам и подружкам, а с десяти вечера торчал в морге, помогая тут всем по мелочи и без особой ответственности. Сейчас, во время каникул, график его не сильно поменялся по тем же причинам, хотя его иногда дёргали и в день. Так же, Евгений по собственной инициативе иногда ассистировал Роману Андреевичу, любопытства ради и самосовершенствования для. Но такое редко случалось. И всё ассистирование в основном сводилось к простому конспектированию, для удобства прозектора. Когда коронёр работал соло, он пользовался доской и мелом, чтобы зафиксировать нечто важное, интересное или просто цифры, чтобы не заучивать их на память. И за редким исключением, в простых рядовых случаях, ассистент допускался непосредственно до сакрального тела. И то мельком. Аккуратностью он не отличался, но патологоанатома побаивался. Всё потому, что этот студюзуз пока чётко не решил, кем ему становиться в вотчине Эскулапа, чему себя посвятить на ниве врачевания. Стать ли достойным потомком и продолжателем благородного дела Асклепия или податься в тёмные глубины Танатоса, дабы стать тем, кто из руки в руку передаёт отжившую свой век душу мрачному гребцу Харону. Поэтому Роман Андреевич ещё не решил, посвящать ли ученика в детали и тонкости основательно или это пустая потеря времени и сил. Женька был, в общем, не плохим парнем для своих молодых лет, вот только иногда он терял страх, и приходилось вновь воспитывать в нём правильные положительные качества. А ещё он умел, как пропадать, будто сквозь землю, без надежды на его находку, так и неожиданно появляться в самый неподходящий момент. Весь этот противоречивый букет его своеобразия смягчался достаточной корректностью в общении, врождённой интеллигентностью и недюжинной сообразительностью. Немного собранности в быту и из него получится хороший медбрат. А потом и до врача дорастёт, если захочет. Он был «умненьким», вдобавок с лицом, одухотворённым печатью интеллекта и с тонкими приятными чертами. За что и бывал часто помилован по принципу «красивых грустных глаз», которые так ловко застолбил один известный кот.

– Ладно, – опять проговорил Роман Андреевич, поглаживая магнитофон. – Придёт, получит клизму в три ведра. Однако пора начинать!

И вдавил кнопку «Play».

Из сильных астматических колонок хлынуло бессмертное осеннее аллегро итальянца Вивальди. А прозектор повернулся к труп, окинул его беглым взглядом, и прошёл к шкафу, где сперва натянул марлевую повязку на рот и нос, пластиковые очки на глаза и резиновые перчатки на руки. Потом пришёл черёд нарукавников и фартука. Оттуда же извлёк поднос с инструментарием, и только после всех манипуляций вернулся к покойнику.

Благо, тот никуда не спешил, и убежать не собирался.

Взяв с живота мертвеца «сопроводиловку», он, прежде всего, сверил номер с биркой, повязанной на правое запястье сына Панкрата. Вчитался, хмыкая, расставляя междометиями некие, ему одному понятные акценты, фыркая в позабавивших его местах и мыча в местах его покоробивших. Папаша новопреставленного раба божьего Вадима Семёновича Панкрата настаивал на том, что сына его зверски, предательски, вероломно отравили, потому, как на месте преступления ни хера ничего подозрительного не найдено, никаких злодеев и прихлебателей не обнаружено, равно, как и следов насильственной смерти при первом осмотре судмедэксперта. Из этого само собой следует, что ненаглядного сынка, умницу и молодца, злостно лишили жизни неизвестные злопыхатели наперегонки с множественными недоброжелателями. И теперь убитый горем папка, попутно точа тесак и намазывая «вольну» солидоллом, непременно и главное срочно желает знать, каким таким неестественным злокозненным образом его чаду устроили расставание с жизнью, и кто это мог быть такой бессердечный негодяй? Ведь справедливое возмездие, в отличие от этой вашей тухлой итальянской мести, он не собирается жрать холодным, а непременно хочет впиться в гнилую вражескую плоть, пока она горяча и свежа. Всё это, конечно, не было прямо прописано в документе, но сквозило между строк. Да и судя по разговорам, лихой папаша времени не теряет.

Просто кипятком писает.

Вон и усталый «мент», что подогнал сегодня днём на «труповозке» эту тушку, сокрушался, что Панкрат рвёт и мечет, сыплет «бабками» и проклятиями, всех поставил на попа, замазав им глаза долларами, а уши мудовыми рыданиями. Да ещё «следак» Серёга, старый добрый знакомый, лично позвонил и просил по старой памяти отнестись к этому серьёзно и внимательно. Куда ж деваться от таких знакомств, когда сама профессия тебя обязывает? Поэтому и пришлось начинать так скоро, а не как обычно любил Роман Андреевич, сразу после полуночи. А ведь ещё и одиннадцати нет. Теперь придётся вспарывать этого говнюка и применять академические навыки и познания, чтобы попытаться выяснить всё по старинке. Хотя и так ясно, что тот просто «крякнул» от «передоза». Осталось выяснить, от какого именно.

Ишь ты, нёймётся ему!

Однако надо!

Недаром же он семь лет грыз гранит, щебень и прочий песок науки в одном из самых престижных советских вузов в своё старинное далёкое время, не считая дополнительного обучения. Можно и вспомнить старое. Правда тут придётся напахать такие борозды, что их уже ничем другим не испортить. Но это папашины трудности. И проблемы ритуального общества с ограниченной ответственностью, чей офис располагался двумя коридорами дальше. А он вспорет, вывернет наизнанку, высмотрит, пролезет, пронюхает, но установит истинную причину скоропостижной кончины. Хотя и так ясно, что «завернулся» сынишка от какого-то невероятного количества пока не установленной «шпиганки». А это всего лишь дело техники. Тут, конечно, не отпишешься какой-нибудь заумной ерундой для совсем непосвящённых, вроде «иммортал люмбаго». Панкрат всё проверит и перепроверит. Усомнится – отвезёт труп в Синеозёрск, где всё повторится. И горе тогда ему, старому волку-коронёру, если причины не совпадут. Да вот только нет таких причин, чтобы самому не установить истину.

Патологоанатом отложил бланки сопроводительной записки, аккуратно расшнуровал верёвочки бирки и кинул её поверх бумаг. Потом подкатил каталку с трупом параллельно столу, обошёл его, приноровился и ухватил покойника двумя руками под шею и бёдра. А потом резким сильным рывком перенёс тело с каталки на стол.

Так и живём, по старинке, хотя для некоторых его клиентов пригодилась бы кран-балка. Только где ж её взять в Китеже? Вместо неё приходится звать Женю, а то и ещё пару санитаров. Хорошо, что не часто.

Теперь можно начинать осмотр.

Внешних повреждений не наблюдается. Гнилостных явлений нет, что и не удивительно, труп-то свежий. Температура – комнатная. Уже успел остыть. Ни синяков, ни ссадин, ни кровоподтёков, ни ран, ни отверстий, ни странгуляционных следов на шее, ни видимых открытых или закрытых переломов. Отсутствуют так же и заметные язвы или опухоли.

Ничего.

И трупных пятен на всей поверхности тела нет. Никаких. Жаль. Вот если бы были ярко-красные, то можно было просто отписаться, что сынок задохнулся окисью углерода. Взял и закрылся в бане, слишком рано прикрыв печную заслонку, пока не прогорели угли. И угорел. Так ведь нет! Вместо богини Гигиены, дочери Асклепия, ведущей к здоровью, он предпочитал Лиссу или по-другому Манию, в конкретном случае, с приставкой «нарко», которая быстро свела его с Танатосом, с закономерным и неизбежным результатом. Смешно, ведь «нарко» с греческого именно «оцепенение». Оцепенел дружок смертельно.

Не с тем игрался.

Не играл сынок в солдатиков, что было бы немного безопаснее, хоть Арес тоже не образец благополучия. Не взрывал их бертолетовой солью и не надыхался попутно её парами. Тогда бы пятна были бурые. Но тут вообще никаких нет, так что думаем дальше.

Окоченение по стандартной схеме. Не жёсткий, как бревно, что исключает применение стрихнина, но и не мягкий, словно только что умер, что вычёркивает такую экзотику, как фосфор или бледные поганки. Потёков вокруг рта нет. Значит едкие яды он не жрал. Не лопал он и атропин – зрачки не расширены в край. Роман Андреевич машинально провёл пальцами по лицу, закрывая покойному веки.

Наркотики, несомненно, наркотики. Это ясно. Придётся резать.

Прозектор взял со столика с инструментами секционный нож, поднял его в правой руке, примериваясь, а потом уверенно и сильно вогнал его в углубление между ключиц и наработанным чётким движением провёл вдоль тела до самого паха. Звук на миг перекрыл излишества итальянского гения, напоминая разрыв старого дерматинового кресла. Но тут не кожзаменитель, тут всё натуральное. А звук – лишь похож. Не всякий может такой услышать хоть раз в жизни. А вот привычка сравнивать, этого ни у кого не отнять. Скорее, это кресло разрежется с треском, похожим на вспарываемую кожу и мышцы человеческого тела. Но стереотипы не переубедить.

Кожа разошлась в стороны, краснея на срезе, жёлтые жировые включения заблестели в лучах лампы, белым засветилась кость. А прозектор принялся: из вскрытой брюшины выплыли газы. Обычный, мерзкий запах, как и у всех новопреставленных смертных.

Тут отгадки смерти нет.

Кишками займёмся потом, сейчас всё строго по протоколу¹. Трахею можно не перевязывать, нет такой необходимости, чтобы лёгкие остались надутыми.

¹ Существует множество последовательностей, в данном случае, персонаж действует по некоему, ему известному, что может (и по большому счёту должно) не соответствовать действительности. В конце концов, это художественное произведение, а не методическое. Любой настоящий врач (да и не только врач, дальше по тексту, любой следователь, вор, да мало ли кто) будет дико ржать над этой попыткой описания процесса, но главная задача заключается не в следовании букве природы и святой правдивости, а в развлечении читателя. Если вы не заметили, это вообще по большому счёту, сказка!

Сначала – сердце!

Сменив секционный нож на рёберно-хрящевой, короткий, массивный, как финка, он прошёлся по хрящам, соединяющим рёбра с грудиной. И клетка, охраняющая самое сокровенное, раскрылась в обе стороны, как ларец, открывая своё внутреннее наполнение. Плёнки, диафрагма, прочая дрянь, всё к чёрту прочь. Рёбра без следов обызвествления, что характерно для молодых. Довольно изгаженные серые мешки лёгких и прячущийся там, между ними, бурый мускулистый комок неправильной формы. Сердце человека, наполненное последней порцией крови.

Древние, вроде Платона и иже с ним, наделяли сердце мистическими и сказочными свойствами. Приписывали ему наполнение не только жидкостью жизни, но и полнотой всех возвышенных и низменных чувств. Даже считали, что оно есть хранилище души. Ничего подобного. Просто комок тугих мышц, скрученный из соединительной ткани с одной задачей – без перерыва дёргаться, засасывая и выталкивая кровь. Типичный насос с ресурсом в два миллиарда сокращений и общим объёмом всей крови за период функционирования в шесть тысяч кубометров. Почти три полных олимпийских бассейна. При таком объёме работы за человеческую жизнь в сердце вряд ли найдётся местечко для приписываемых ему чувств и самой сути человека – души. Просто органический мотор, ничего более. Отличная автономная машинка и никакой романтики, сплошная механика, биохимия и электричество.

Роман Андреевич деловито запустил пальцы, охватывая орган, с влажным чавканьем, сжал в горсть пучок вен и артерий, пережав их, выпростал его наружу и отсёк от ненужных теперь «патрубков» и «шлангов». Струйки крови всё же брызнули из свежих открывшихся жерл. Перелил всю кровь, что находилась в этом мышечном мешке в приготовленную банку, потом бросил его на весы, механически отметив стандартный вес в почти триста грамм. Банку заткнул притёртой крышкой. Теперь её надо срочно отправить в лабораторию, на анализ. Но, чтобы не гонять подвернувшегося Женю или какого-нибудь другого «мимокрокодила», он решил сначала добыть все необходимые образцы жидкостей и тканей, для оптовой отсылки.

После сердца пришла очередь лёгких отправляться на взвешивание. Они тоже не открыли тайны смерти сына Панкрата, лишь грустно намекнув, что тот мог бы скончаться от эмфиземы лет эдак через сорок пять. Теперь грудная полость освободилась и походила на мрачную, странной формы птичью клетку в стиле декаданс. Вот только птичка-душа уже давно улетела, выпорхнула из надоевших гниющих заживо оков и порхала теперь где-то в эфирном пространстве. А Роману Андреевичу хотелось бы, чтобы она на миг вернулась и внятно рассказала бы ему, что и как произошло. Чтобы не возиться по локоть в крови в этой тухлой никчёмной плоти. Он даже чуть слышно вслух застонал, не выдержав и проговорив:

– Ну что же ты, дружище! Где ты там затаился? От чего ты помер? Скажи мне! Не заставляй копать внутри тебя и всё переворачивать вверх дном!

Потом досадливо выдохнул и усмехнулся:

– Нет! Этот тип не таков! Жаль, до полуночи ещё час, было бы легче вывести его на беседу. Эй! – он посмотрел в лицо трупа и даже ткнул его кулаком в бок. – Покажись! Не мучай меня и себя! Эй!!

Бесполезно.

Пришла очередь брюшной полости, откуда первым делом был извлечён подобным же образом желудок, содержимое которого отправилось в следующую банку. Запах оказался странным, знакомым и тревожным одновременно. Какая-то дикая смесь «парфюмов», будто он жрал всё несочетаемое подряд, поглощая даже несъедобные компоненты. Потом пришла очередь желчного пузыря, селезёнки, кишечника, печени, почек, поджелудочной и прочих составляющих богатый внутренний мир покойника второстепенных компонентов. Всё через весы и доску учёта, где он фиксировал цвет, размеры и состояние поверхностей. И нигде никакого намёка на причину смерти. Всё в относительной норме, без явных деструктивных следов,

словно Вадима «Панкратовича» убило неким мистическим проклятием, а не банальной передозировкой.

Зевс его молнией звезданул или Аполлон стрелой разящей?

Затем пришла очередь содержимого малого таза. Прозектор аккуратно отделил мочевой пузырь и выдавил мутную жёлто-бурую жижу в очередную ёмкость. Отбросив опавший мешочек пузыря, он окунул в зловонную жидкость экспресс-тест на наркотики, надеясь получить заветные две полоски. Только сегодня фортуна отвернулась наглухо и тест ничего не показал.

Это уже начало немного нервировать бывалого прозектора.

Только вывести из равновесия Романа Андреевича было делом трудным и долгим. Одна мелодия сменялась другой, Вивальди то бушевал, то убаюкивал, а патологоанатом лишь выдохнул и продолжил исследовать с настырностью голодного бульдога прочие неизученные заветные места, приговаривая:

– Рано, рано. Пока это просто мёртвый ливер. Бессмысленная плоть. Оболочка. Механизм для внешнего реагирования и взаимодействия, бесповоротно сломанный и бесполезный. Где ты? Где ты прячешься? Что тебя убило? Ответ! Не прячься!

– Кхм!! – вдруг раздалось сзади. – Вы с кем тут беседуете, дядя Рома?!

Это неожиданно и бесшумно материализовался из ниоткуда санитар-раздолбай Женя с весёлой ироничной и немного смущённой улыбочкой на лице. Его милая застенчивость удивительно вступала в непротиворечивый симбиоз с то ли непроходимой наглостью невежды, то ли с наивной глупостью притворщика-хитреца. За этот странный коктейль патологоанатом и любил нерадивого ученика. И многое ему прощал. За барьерами, поставленными нарочно, с целью навести на ложный след, пряталась ранимая незащищённая искра настоящей жажды познания. Она тлела в окружении стены из напускной бравады и чёрствости, залихватски наплевательской позиции, но тонкий стихийный психолог Роман Андреевич давно раскусил его настоящую внутреннюю сущность. И у них образовалось нечто вроде альянса или тандема, где для стороннего наблюдателя всё происходящее могло показаться неуклюжей пикировкой и взаимными подначками, а, на самом деле, всё было гораздо глубже и тоньше. У них возникла приязнь и на её основе схватывание налету, понимание с полуслова и, как следствие, рост уровня доверия и прощения. Но, только в их ограниченном, зашоренном мирке на двоих.

Иначе, такой сказочный раздолбай, как Женя, давно бы вылетел из больницы с волчьим билетом, торчащим из зада вместо петушиного кока. С рекомендацией самого прозектора, тяжёлой, как могильная плита, и «одобрениями» главврача и заведующих всех отделений, ровных, чётких и единообразных, как пионерский салют на линейке.

Патологоанатом повернулся и оглядел оценивающе стоящего перед ним санитаря. Высокий, худой, с круглой чёрной головой и выражением лисьей хитрецы на всей тонко очерченной рожице. И глаза, синие, как небесная сфера, со вспыхивающими маячками глубокого ума внутри. Женя только с виду был болваном, он натянул на себя эту маску для простоты жизни, и общения с окружающим миром. Как любой молодой, он не желал тяжёлых балок ответственности на свои обманчиво хрупкие плечи, а обладая умом, легко выворачивался из любых несуразных историй. Не давал лишний раз понукать и запрягать себя, нарочито демонстрируя безответственность, однако, к тем, кто понимал его и не старался армейским прямым методом навалить лишней нудной работы, тянулся сам и тогда уж демонстрировал полную готовность и недюжинные способности. Таким посвящённым оказался и патологоанатом. После недолгой «приглядки» и притирки они сошлись, установив непреложные междусобойные внутренние правила, и их союз заработал на полную мощь.

– Давно стоишь? – глухо через марлю поинтересовался Роман Андреевич.

– Только вошёл! – невинно пожал плечами Женя. – И вижу, что вы тут один. Ведь тут больше нет никого?

– Вон ещё, товарищ передо мной разлётся. Всё своё наполнение мне тут показывает. Но не признаётся, сукин сын, отчего же ему так срочно понадобилось уходить в край вечной охоты.

– Так вы с **ним** беседуете? – Женя уже открыто провоцировал, так как его всегда забавляла привычка прозектора говорить с самим собой.

– Ну а с кем же? – принял игру Роман Андреевич.

– Так он же труп?

– Глупый ты, Женя, молодой ещё! Труп, это вот то, что тут лежит перед глазами. Клетка заточения лет на семьдесят или двадцать пять, как у этого экземпляра. Изолятор временного содержания, как говорят компетентные товарищи, что его сюда приволокли, – он довольно бесцеремонно подёргал покойника за торчащее окровавленное ребро, будто плетёную корзину пошевелил. – А душа его бессмертна. Вот с ней я и беседую. Чуешь разницу?

– И где душа? – прямо в лоб уточнил дотошный и меркантильный санитар, утрированно озираясь.

– А вот это уже философский вопрос. Неправильно спрашивать: «где?» Правильно спрашивать: «когда?»

– Что – «когда»?

– Когда она соизволит снизойти до нас с тобой и внятно рассказать, что там с ней случилось при жизни, пока она была заточена в этом брэнном теле. Понимаешь, они, выйдя на свободу, становятся такими заносчивыми, что иногда не желают с нами, простыми душами, пока обитающими только в вонючих мешках с мясом, общаться на равных. А может, не заносчивыми, а просто отвлечёнными, постигшими нечто новое, для нас недоступное...

– Ага, – задумался Женя. – Бессмертные души. Но, ведь, не доказано точно, что они существуют?

– Какая разница? – пожал плечами прозектор. – Мало ли, чего там ещё в мире не доказано? Термоядерная энергия вот тоже пока не доказана. Или Чёрные дыры. Но они где-то есть. Так и душа.

– Так ведь душа, получается, чисто умозрительное понятие? Кто хочет – верит, кто не хочет – отрицает...

– Правильно. Вера – дело добровольное. В отличие от религии. Тебя, например, я знаю, крестили во младенчестве, не спрашивая твоего согласия и разрешения?

– Так ведь я теперь и сменить религию могу? – хитро парировал санитар.

– Так чего не меняешь? – не сдался прозектор.

– Да как-то не до этого, – смутился Женя. – Да и менять на что? Шило на мыло? Это всё не то, что я хотел спросить. Я хоть и далёк от веры и религии, но спросить хочу как раз по этой теме. Вы сказали, что говорите с душами. А другие так не могут. Получается, вы какой-то особенный? Ведь умерший человек, по сути, больше и не человек даже. Просто биомасса. А вы на полном серьёзе утверждаете, что говорите с мёртвыми. Как вы это делаете? Не упирая на божественную составляющую, провидение, души и тому подобное, а так, чисто с научной точки зрения?

– Как тебе объяснить, чтобы было доступно? Вот смотри. Есть у всех телефоны. Допустим, они – это наши тела. С помощью телефонов мы можем друг с другом общаться. Предположим, в разных мы все комнатах, напрямую – никак. Душа – это, скажем ты, я, остальные, а телефон в руке – это тело. Вместо микрофона ухо, вместо динамика рот. И никак мы, кроме как по телефону, «коннектиться» не можем между собой. А потом садится аккумулятор в ноль, всё, сдох телефон. Получается, тело умерло. А душа-то живая! Вот только теперь, без телефона, как ты общаться станешь?

– Ну, – протянул, соображая, Женя, – в стенку постучу!

– Молодец! Умный мальчик. Вот так и я с мёртвыми душами общаюсь. Перестукиваться никто не запрещал. Надо только сообразить, решиться и попробовать. Не всё так просто, естественно, но принцип такой. Если стараться, можно ненадолго душу обратно в телефон вложить. Чуток подзарядить аккумулятор. Вернее, она сама это сделает, коли интерес к тебе проявит. Тогда и происходит контакт.

– Ага! – опять озарило санитаря, – Это как полтергейст! Дух гремящий! Они тоже по стенкам стучат!

– Дурак ты, Женя, хоть и умный. Каша в голове. Я тебе про высокие материи толкую, а ты опять в треш выворачиваешь. Полтергейст, как и всё, о чём мы говорили, явление пока толком не исследованное. Но посыл твой я улавливаю. Не своди всё к простому, хоть это и принцип Оккама. Именно здесь, в этой конкретной области, всё не однозначно и довольно темно. Всю свою историю человечество тщится разгадать потусторонние тайны. Целые институты в разные времена пытались. От египетских жрецов до Аненербе. Кое в чём они продвинулись, кое-где заблуждались. Да только заглянуть за край бытия ни у кого толком не получилось. Как и у меня пока...

– О, дядя Рома, вас опять куда-то в дебри философии понесло! Всё, я понял! Что нужно?

– А вот это уже разговор! Грузи органы по пакетам, бери вот эти банки с образцами и дуи в лабораторию. Там всех строй в две шеренги на подоконники, форма одежды номер восемь, что спёрли, то и носим, и приказывай срочно исследовать всё и вся. Искать надо наркотики или следствие их употребления. И только после этого обычные исследования: гистологическое, бактериологическое, серологическое, биохимическое и прочая ерунда. Чтоб до утра обернулись. Утром ответ держать надо. А то им потом мало не покажется. Панкрат их самих препарирует, как лягушек. Всё понял?

– Да!

– Молодец. И чипсы свои больше не бросай, где попало! Развёл тут мне антисанитарию! Скоро крысы из канализации полезут! Всё! Вали, не мешай!

Женя принялся паковать субпродукты по плотным пластиковым пакетам, а прозектор вскрыл труп горло. Мозг он решил оставить напоследок, как последний довод. И тут появились некоторые подвижки в этом тёмном деле. Изнутри трахея оказалась воспалена, что уже могло служить потенциальным фактором асфиктивной обтурации, вполне могущим привести к летальному исходу, который и имелся в сухом остатке. Это уже интересно. Пациент оказался задушен. Но не снаружи, а изнутри. Интересно, каким образом? Но, это уже дело техники. Как говорил один сыщик, дело на одну трубку. Остаётся понять механизм и выяснить, отчего нет следов того, что так фатально повлияло на работу трахеи. Однозначно совпадение нескольких оригинальных причин, выдавших необычный комплексный результат. Вот только каких? Что он там жрал, пил или колол? Или делал всё это, скорее всего, одновременно? И куда это всё «добро» так быстро делось? Неужели он успел всё выпростать наружу анусом и уретрой перед тем, как «склеить лапы»? Не исключена и тугая струя блевотины.

Женя, наконец, собрал все образцы и, осмотрев подоконник и не обнаружив своих чипсов, вышел из секционной вон. Патологоанатом вздохнул с облегчением. Кинув взгляд на часы, он с удовлетворением отметил, что время уже незаметно перевалило за полночь.

Пора.

Вот теперь этот типчик может непосредственно лично дать исчерпывающие показания, ответить на все вопросы и пролить свет на тайну собственной гибели. Неким недоступным мистическим образом эти самые души активизировались в чётких временных рамках. То ли в силу традиции, то ли вследствие непонятных потусторонних законов. Сакральная полночь, когда мёртвые встречаются с живыми. Если сказка по неизвестным причинам становится былью, незачем копать в её первоисточках, главное, что принцип работает, а каким образом –

дело второстепенное. Любая высокая технология неотличима от магии, хоть это и не совсем по данной теме.

Суета это всё.

Об этом можно подумать потом.

Роман Андреевич оглянулся на прикрытую дверь, потом посмотрел в лицо трупу. Только голова пока ещё была не тронута его скальпелем. Некоторые учёные полагают, что душа прячется именно там. В мозге. Но он и этим вымыслам не верил. Просто он не любил, когда лицо натянуто на подбородок, а из черепа вынуто содержимое и он напоминает пустую, теперь уже буквально, костяную шкатулку.

Этому бы клиенту оформить старинную патологоанатомическую хохму. После окончания полного вскрытия, когда все вынутые органы, в том числе и мозг, пакуют скопом обратно в брюхо и зашивают, некоторые оригиналы суют в пустой череп трусы пациента. Что служит тонким намёком на то, что при жизни у него вместо головы всё равно была жопа, ибо она и наполняла в своё время данные трусы.

Но теперь не до шуточек.

Лицо покойника не несло никакого выражения. Глаза закрыты, рот тоже. Полная отстранённость и апатия. Абсолютное мёртвое равнодушие. Но, если повезёт, всё изменится. Надо попытаться. И он вновь позвал:

– Эй! Ответь мне. Не ради себя или меня, не ради твоего папы или кого-то ещё. Ради истины и справедливости! Ответь мне, что тебя убило?

Голова покойника повернулась вдруг набок. А потом он приподнял её. Глаза открылись, блестя уже осознанно, и сфокусировались на лице Романа Андреевича. И хоть смотрелось это жутко на фоне выпотрошенных кишок и развороченной грудины, прозектор смотрел в ответ спокойно, сосредоточенно и привычно, наблюдая сие, как данность.

А потом правый глаз трупа лукаво, заговорщицки подмигнул...

3

Следователь Следственного Комитета при прокуратуре Российской Федерации, капитан юстиции Сергей Сынков сидел на веранде открытого летнего кафе, на окраине Китежа. Там, где позади увитых виноградом ограждений шуршали по выходящему за город шоссе иномарки богатеньких обладателей пригородных особняков с бассейнами и лужайками. Вроде Панкрата и иже с ним. А впереди горизонт закрывали ребристые стены многоэтажек, новых застроек, свежих микрорайонов растущего понемногу города. Слева отзвонили вечерю колокола окраинной церкви.

Следователь потушил окурок в пепельнице, покосился туда, где через два столика индифферентно тянули через соломинку минералку два плечистых «бодигарда» того, с кем он сейчас вёл беседу. Но они не пялились на Сергея, не вертели тревожно головами, короче, проявляли себя профессионально, да и звуки речи едва долетали до их стола. В общем, эти товарищи погоды не делали, являясь скорее мебелью, чем помехой. Вот если кто захочет покуситься на ими оберегаемое тело...

Попивая сок из пластикового стакана, Сынков основательно и неспешно разговаривал с местным «смотрящим», авторитетом и вором в законе Лёней Сыктывкарским, прозванным так чисто из-за своего географического происхождения. Того судьба мотала по городам и весям, зонам и центрам все девяностые, пока не выкинула отливом нового времени на берега Светлояра. Это был уникальный персонаж, практически былинный. Как говорил про него шутливо Сергей, достойный быть занесённым в Красную книгу, как вымирающий вид настоящих «олдскульных» воров, и по этой же причине помещённый потом, как совсем вымерет, в палату мер и весов с той же табличкой.

Лёня «смотрел» за городом. Следил за всеми течениями подпольного преступного мира, регулировал и корректировал их. Разводил конфликты, «разруливал» «непонятки», поддерживал баланс и порядок. При этом не особо стремился урвать кусок пожирнее, чтя традиции, насколько это теперь вообще возможно, смотрел на некоторые вещи с особым подходом и имел, что важно, своё твёрдое мнение на всё. Так, например, он жёстко фиксировал рынок сбыта наркотиков, понимая, что те, стоит их отпустить плодиться без надзора, мигом заполнят все улицы, перетравят всех, до кого дотянутся, а учитывая немногочисленность населения, это будет подобно эпидемии и последующему полному вымиранию.

Буквально.

Так же ответственно контролировались и остальные отрасли лихого ремесла. Оборот оружия, рынок проституток, мошенничество, откаты и распилы. Весь чиновничий аппарат советовался и консультировался с непримиримым Лёней, ибо непослушание было чревато. И его уважали. Не просто боялись, притворялись и лицемерили, а действительно уважали по-человечески. Потому что он исповедовал, прежде всего, общую справедливость, потом уже распуская её ручейками, кому что более или менее перепадёт ровно, а кому – ровнее. Заботясь, в первую голову, о благополучии всего города, а не отдельных его индивидуумов. Как пример, поводом для такого отношения к нему стали разборки ещё в начале двухтысячных, когда он, встав на должность, лихо начал заворачивать из Китежа всю чёрную шваль с югов. От самого ничтожного гастарбайтера, до матёрого полевого командира – ваххабита. Да, не обходилось без жёстких мер, но быстро найдя общий язык с верхушками МВД, прокуратуры и «кровавой гэбни», он умело, тонко и оригинально стал заплетать схемы и при этом не плести лапты, то есть работать грамотно и оперативно, без конфузов и проколов. В общем, эдакий Мориарти местечкового разлива, но с положительным знаком, если это применимо к такому нетривиальному персонажу, как Лёня.

Не забывался при всей неоднозначности, естественно, и «общак». Все сидельцы скорбного «ИУ №2» не чувствовали себя забытыми и кинутыми, а даже напротив – обласканными. Особенно с тех пор, как там сменилось начальство после инцидента с полковником Панфиловым, немного съехавшим крышей и на этой почве пострелявшим на своей вотчине, будто ковбой в салуне. Вот таким неординарным и самобытным являлся визави «следака».

Одеты оба собеседника были неформально, да и встреча носила скорее черты взаимовыгодного обмена информацией, некое обсуждение насущных общих вопросов и анализ свежих новостей и сплетен, чем героическую вылазку Шарапова в логово «Чёрной кошки». Времена, когда бандиты и «законники» люто ненавидели и рвали горло «легавам», давно канули в Лету. Теперь этот симбиоз служил делу порядка, чёткой установленной системы, позволявшей решать все вопросы коллегиально, мирно и полезно для обеих противостоящих сторон. Тем более, реальные управляющие всем кураторы и того и другого сидели гораздо выше и сводили их интересы в одно общее обоюдывыгодное русло.

Своё.

Сергей, тридцатисемилетний «сыскарь», астеничного типа внешности, въедливый и дотошный, производил двойственное впечатление. Манерами он походил на полного флегматика, даже вызывая при общении подозрение, не страдает ли он часом заторможенностью реакции, граничащей с аутизмом. Но это лишь на первый взгляд. Перетерпев такой стиль и продолжая внимательно за ним наблюдать, обнаруживалось совершенное изменение общего первого впечатления. Потому что, в то же самое время, сдерживаемой живостью умных, блестящих эрудицией и интуицией глаз, сухой, подтянутой, звенящей, как струна от напряжения, фигурой, он наоборот навевал мысли об умело скрываемом бешеном темпераменте.

Облик его собеседника тоже был непрост, хоть и не так колоритен. Грузный, оплывший, но с флёром скрытой в этом кряжистом теле недоброй силы, Лёня завораживал хитрым выражением лица, на котором самой выразительной, почти гипнотической частью были его желтовато-чайные глаза, напоминавшие больше не человеческие, а совиные или рысьи. И совсем не подходил к этой массивной фигуре его голосок, скрипучий и высокий, но с нотками непрекращаемой уверенности и правоты в каждом своём слове.

А поговорить Лёня любил.

Перекрывая льющийся из динамиков, подвешенных к растущим рядом с кафе тоненьким берёзкам, несвежий хит, в котором одна певица ртом, вынырнувшая-таки из Леты забвения, рассыпалась в комплиментах, готовых перейти непосредственно в коитус, некоему абстрактному мужчине, но с одним условием: он непременно должен быть с бородой, Лёня вещал:

– Я тебе говорю, Серёга, я был тут недавно во глубине сибирских руд на симпозиуме по обмену любезностями, так там та же петрушка! Понабрали «чебуреков» с солнечного чуркестана за малую копеечку. Так они там знаешь, как шишки с кедров собирают?!

При этом Лёня лихо жестикулировал то одной, а то и обеими руками с изысканно загнутыми под разными углами пальцами, с длинными заострёнными фасонистыми ногтями на мизинцах.

– Как? – улыбнулся Сынков, отхлебнув глоток яблочного нектара.

– Как! Пíлят кедр «дружкой-два», поворачивают, шишки стряхивают, потом ставят обратно на пенёк – «Момент-монтаж», и всё! – Лёня, как фокусник, хлопнул в ладоши. – Лес опять стоит, как новый!

Сергей душевно рассмеялся. Лёня умел так ловко рассказать байку, что ты верил в неё до последнего момента, пока суть хохмы не становилась очевидной. Хотя, в этом мире может случиться абсолютно всё.

– Вот так! – лукаво подмигнул Лёня и тоже припал губами к стакану.

По дороге, ведущей за город из центра, проплыл кабриолет с красивой девкой. «Порш-911». Оба отдыхающих в кафе проводили красавицу долгими взглядами. Потом

невольно взглянули на припаркованные рядом свои машины. Лёня – на серебристую, мокрого асфальта «Тойоту», Сергей – на скромный «Фольксваген-Гольф» отливавший «индиго».

– Кто-то ж её «дерёт»! – завистливо сообщил в пространство Сергей.

– А кому-то она уже и надоела! – охотно эхом откликнулся Лёня. – Это ж Наташка Перезрелова! Дочка Макара с Алмазной. Помнишь его? Он ещё лет десять назад «коньки» отбросил.

– А! Его застрелили, кажется? – наморщил лоб Сынков. – На разборке? У него ещё тут «бригада» была!

– Да какая там бригада! – махнул ладонью Лёня. – Три «петушка», два гада! Так, «фантик» бестолковый. Мне тогда недосуг было ещё с этим отморозком возиться, там чечены опять понаехали, неугомонные. Набрал он, помню, как сейчас, каких-то «девярых номеров» со всех углов Китежа. Все помойки осиротил. А пока я с теми «чехами» «рамсил», этот Макар и его команда тимуровцев всю шелупонь торговую ларёчную тут данью обложили, да, видать, всё одно, мало капало. Тогда Макар для показухи на одного насел и выставил ему такие неподъёмные условия, что тот репу-то и зачесал. Макар хотел на его примере всем показательно продемонстрировать, как он может наказать, чтоб другим неповадно было, да только тот «терпила» на заклятие идти не захотел, а за сумму вдвое меньшую нанял одного отмороженного не меньше этих «афганца». Так тот Макара и всю его бригаду из «калаша» покромшил в паклю. А вот Наташка – молодец! Сначала в Синеозёрск, а потом и в Москву свалила. Там моделью стала. Теперь по Миланам и Парижам раскатывает. Фонд какой-то благотворительный организовала. Вроде помощи детям – сиротам. Она к нам сюда приезжала, чтобы тут филиал свой у нас открыть. С мэром «тёрла», видать, договорились. А что? Ему – пиар, ей – «лавэ», новый ручеёк. Да и нам какой-никакой «грев» за «крышу»!

Лёня вновь загадочно-хитро подмигнул и ощерился, светя стальной фиксой.

– Вспомнил! – Сергей хлопнул себя по лбу. – Она же сыну Панкрата вроде одноклассница! Видать, «подсуетила» ему какой-то новой «дури» из столицы, а он «кони» и двинул. У него ж вчера «сейшн» на «флэту» был! Наташка по-любому там тёрлась. Там же вся «капелла» наших сливок общественных ошивается. А потом они по-рыхлому домой разбежались. Я допрашивал одного хмыря. Говорит, сынок «вискаря» «накидался», начал «барогозить», все и «чухнули», как мыши по щелям. Никто ничего не знает, никто ничего не видел. Теперь всё сходится. Все папашу боятся, он-то быстро за жабры возьмёт. Вот она и свалила отсюда вечерком по тихой грусти!

Говоря в такой манере, Сергей не лебезил перед вором, он мягко и коварно подстраивался под его стиль речи, чтобы тот неосознанно и незаметно проникнулся доверием. Хоть они и поддерживали и без того тёплые отношения, следовательно понимал разность их уровней, а НЛП никогда лишним не бывает.

– Кстати, – скис Лёня, – Панкрат даже настойчиво интересовался продвижением процесса. Выяснить хочет, что да как там было. Но, я ему сразу сказал, мол, твой «вася» давно под Богом ходит, как его только раньше не скрутило! Так он шерсть на загривке надул, ты, говорит, Леонид, в авторитете, но я за сына любого порву на тряпки! Я ему толкую тогда, мол, осядь, бык сутулый! Разберёмся по понятиям, кто и куда. Пообещал ему до завтра найти концы. Ты там как? Работаешь, Сергей?

– Да. Тело сегодня наш Андреич лично разберёт на запчасти. Обещал к утру выдать полный карт-бланш. Так что скажи Панкрату, пусть он икру не мечет, утром всё будет известно. Ты ж Андреича знаешь, он туфту не гонит. Его слово – камень. Хоть проверяй, хоть перепроверяй.

– Да-а-а, – откинулся на спинку и закурил Лёня. – Лепила он суровый. Одно слово – Доктор Вуду. Говорят, он с трупами чай пьёт, и сказки им втирает.

– Каждый развлекается, как умеет. В конце концов, ну, не трахает же он их? – пожал плечами Сергей.

– Кто ж его знает? – сморщился авторитет.

– Да брось ты, не нагнетай. Андреич наш человек. Странный, конечно, но ты сам представь себя на его месте. С трупами днём и ночью. Тут не только чай, тут совсем «кукушка» улететь может. А он держится. Я думаю, у него защитная реакция такая. Чтоб не свихнуться. После всех его тут приключений. Да и войну они с главврачом вместе прошли. Синдром у него. Насмотрелся жмуриков, вот и сроднился, абстрагировался он так от мира. Как рак, в панцирь влез. А так бы давно заехал в соседнее отделение, к психам. Не, это всё наоборот, чтобы умом не тронуться.

– Ага. Если он уже... – Лёня приставил к виску большой палец и помахал вокруг его оси остальной ладонью, – ...не того...

Повисла короткая пауза в томном вечернем летнем воздухе, когда и говорить, и думать лень, но Сергей в этом тонком звоне безмыслия, обострившимся своим недрёмным чутьём вдруг ясно понял: авторитет банально побаивается патологоанатома!

Он слышал пару лет назад историю, как однажды Лёня, будучи пьяным в дупель, сам лично явился в морг и целый час своим фальцетом визжал прозектору в уши какой-то бред про понятия, долг, честь, ум и совесть эпохи, при этом, не забывая жестикулировать по-итальянски шарнирами своих кистей в замысловатых «распальцовках». Андреич слушал его молча, битый час, не проронив ни слова. Лёня грустил и хотел знать, чья именно пуля успокоила нашпигованного свинцом одного из его подельников по криминальному бизнесу, Русланчика «Пять звёзд».

За день до этого среди бела дня, внаглую, три боевика подъехали к офису Лёни, дождались Руслана и расстреляли его на выходе из «АКСУ». А вот уйти не успели, Лёнины орлы сработали молниеносно и чисто, всех взяли живьём, на перезарядке. Все трое отморозков-киллеров уже «парились» в подвале Лёниной «виллы», но он хотел знать точно, кто же именно отправил «кореша» на тот свет, чтобы показательно покарать его всем остальным в назидание. Вернее, чья именно пуля прервала бесценную жизнь. Глупая прихоть, ведь Русланчик походил на решето, когда его рассматривал Сергей, однако, нашла коса на камень. Так вот, когда Лёня всё-таки выдохся, Андреич, поймав паузу в велеречивом бесконечном монологе, вдруг коротко буркнул ему имя убийцы. Лёня законно вытаращил глаза и поинтересовался, откуда такая осведомлённость, ведь «Пять звёзд» ещё не вскрывали. Собственно, и не собирались, эпикриз налицо, с такими ранениями не живут дольше пары секунд, да и сам Лёня не за вскрытием припёрся. Кураж его пробил, устал он от фантастических слухов о разговорах прозектора с трупами. На этот вопрос прозектор так же коротко и непререкаемо ответил: «Руслан сам мне сказал». И более, не слушая вялое вяканье малёнько изумлённого «законника», повернулся и пошёл прочь из приёмного покоя, бросив только: «Ты ж тоже не хотел, чтоб я в нём копошился? Так? Вот теперь ты знаешь всё!»

И ведь Лёня поверил ему!

А как тут не поверить? Патологоанатом своим нелюдимым, нахохленным и при этом очень убедительной воли и солидной твёрдости характером не располагал ни к долгим беседам, ни к конструктивным спорам. Да и силой для своих лет он обладал отменной. Так что его побаивались не только за хмурый вид. Он мог и реально согнуть в бараний рог любого, не смотря на чины и авторитет. Тем более что его собственный авторитет витал где-то в параллельной реальности на высотах, гораздо более заоблачных, чем у остальных рядовых смертных. Он был неким соединяющим звеном между живыми и мёртвыми. Как Харон. Или нечто ему тождественное, такое же хмурое, зловещее и загадочное. И многие серьёзно верили, что Андреич может общаться с мертвецами. В конце концов, после пары случаев проявленного недоверия, его удивительные, немислимые диагнозы на все сто подтвердились, и мистический

ореол вокруг прозектора сгустился и обрёл тяжёлые монументальные очертания, о которые можно совсем не иллюзорно разбить недоверчивый лоб.

Сменившая воспевательницу бородачей новая девушка, мурлыкавшая из динамиков нечто романтично-гламурное, вдруг взвизгнула во всю силу лёгких: «На „лабутенах“ нах!! И в восхитительных штанах»!!

– Во, песни пошли! – удивился Лёня. – Куда мы все катимся?

– А что? – Сергей пожал плечами. – Теперь всё под контролем. Стреляют там, где надо, а не где хочется, взрывают так же. Лишь сакральные жертвы, дабы укрепить вертикаль. Население довольно. Коррупцию карают во всех сюжетах про криминал на фоне развития успехов нанотехнологий. А на сладкое, чтоб не думалось уже совсем ни о чём, им такие вот песенки и заряжают. Процесс идёт. Идёт же?

– У нас всё тихо! – откликнулся, поняв посыл, «смотрящий». – Сферы в Китеже давно поделены. Никто не ушёл недовольным. «Чурок» в город не пускаем. Тут нам и казачки местные в помощь. Они и не догадываются, кто им ценные указания шлёт! Залётных отморозков и беспредельщиков уже мои «санитары леса» быстро выводят в минус. Простых гастролёров ласково на вокзале разворачивают. Нам лишний «кипиш» не в жилу. Наркоту с «цыганчой» так же жёстко в наморднике держим. Ни грамма лишнего не расходуется. Проститутки все наперечёт. Серьёзный бизнес, сам понимаешь! Он тишины требует. Спокойствия и сосредоточенности. Нам тут пальбу по любому поводу поднимать – без мазы. Не те масштабы и не те времена. Не та политическая обстановка!

– Ну да! – со знанием вопроса улыбнулся Сергей. – Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути!

– Не без этого, – кивнул согласно Лёня. – Стоит, как миленький, смазанный и заправленный. Уголь, вода, сухпаёк, подсумки – всё на месте. Машинист бдит, кочегары трезвые. Ждём сигнального свистка.

– Забыл сказать про орудия и пулемёты, – чиркнул зажигалкой «следак».

– Ой, я тебя умоляю! Ты и сам не вчера родился! – всплеснул руками Лёня. – Так что у нас в городе, на подведомственной территории всё по плану. В Багдаде, как поют, всё спокойно. Гибнут, конечно, людишки, но всё от «бытовухи» и несчастных случаев. Криминала тут ноль. Вон и Панкрат, побулькает и на жопу сядет. А что? Может, я чего не знаю?

– Может, – задумчиво протянул Сергей.

Он пришёл на встречу, откликнувшись на предложение авторитета, сам собираясь ему предложить встретиться. Потому что причины появились. Но Лёня его опередил и раскрылся. Что-то он такое хотел выведать у Сергея в свою очередь, наперёд. Что-то важное для него. Поэтому зная повадки Сыктывкарского, Сергей не торопился переходить к сути, приняв его игру и тоже валяя до времени дурака, перекидываясь общими фразами, выжидая, пока он перейдёт к делу. Только Лёня был не лыком шит и умел дурачиться бесконечно.

Идиллию мреющего заката испортила басовитая сирена «скорой», промчавшейся мимо, за город. Они проводили её взглядами. Слова вора будто подтвердились, ни взрывов, ни выстрелов в том направлении, куда умчалась скорбная карета, не слышалось. «Бытовуха». Или несчастный случай. И никакого криминала. Тихий и спокойный, тривиальный и патриархальный Багдад. Что тут такого может случиться? Ровным счётом ничего, что может испортить уголовную статистику. Обычная провинциальная рутинка. Не считая зловещего холодка чего-то потустороннего, витающего над добром и злом, завязанного на тёмной стороне человеческих душ, ползущего низом, холодящего краешки ступней.

Они ещё помолчали, куря сигареты. В кафе тем временем стали подтягиваться вечерние клиенты. За столик рядом упал сильно навеселе толстенький маленький дядечка, сразу заказавший новую порцию прозрачного колдовства. Левее присела молодая пара. Эти закрылись

корками меню и принялись штудировать его на предмет чего подешевле. Потом Лёня допил свой сок, полюбовался почти севшим солнцем и разорвал паузу:

– Ну, чё мы тут сиськи мнём? Не устал тереть за цветы и пряники? Ведь вижу, дело какое-то у тебя ко мне есть!

Умел законник и положенец так повернуть разговор и ситуацию, чтобы собеседник оказался в неловком положении от того, что пришёл на встречу по приглашению Лёни, а теперь, оказывается, будто это ему, Сергею, нужна помощь и совет. В этом был весь Лёня Сыктывкарский. Но зерно истины в этом тоже присутствовало. У Сергея действительно было дело к смотрящему.

– Слушай, Леонид, – невесело усмехнувшись, решил выкинуть карты на стол следователь, – тут такие дела. Прибыли к нам непростые люди. Из столицы. Там «Контора» хлопнула несколько коррумпированных высокопоставленных товарищей из министерств и думских кулуаров. У нескольких из них при обысках дома нашли интересные файлы в компьютерах и на съёмных носителях. Эдакое домашнее порно. И не просто порно, а с несовершеннолетними. Так же ещё с реальными изнасилованиями и убийствами. Стали их крутить. Оказалось, у них всех «ВИП» подписка на один закрытый сайт. Конторщики нашли тех, кто стоит за созданием сайта. Так вот, одна из ниточек привела их в Китеж. Детская порнография, слава богу, без смертей и насилия, шла отсюда. Ты об этом ничего не слышал?

– Первый раз вот – от тебя! – поднял брови Лёня. – Я не понял, раз они там такие крутые хакеры, да ещё из «конторы», какого лысого они тут никого не обнаружили? Ведь их вежливые люди тут неспроста ошиваются по моим данным? Или я опять не совсем в курсе? И они по другим делам тут наводнили Китеж?

– В том-то и дело, что видео не по сети в Москву шло. Его снимали тут, а в столицу отсылали почтой. Посылками с «ди-ви-ди». На держателей сайта через интернет сам вышел тот, кто снимал, и предложил товар. Адреса электронные, конечно, не достать. Человек мог уехать хоть в ту же Москву и там связываться с барыгой с левого ноутбука, купленного в ломбарде, сидя хоть в машине рядом с кафе с «вай-фаем». Толку с этого? Шерстили они, конечно, сильно, да тот злодей понимал всё не хуже, чисто концы затёр. Этих порномагнатов-сайтоделов, когда взяли, сразу обыскали всё, нашли лишь одну обёртку от посылки с адресом. Не успели они её выбросить. А так к ним видео по разным каналам шло. В основном по «инету». Тех «электронных» сразу всех вычислили. И тех, кто насиловал, и тех, кто убивал. А нашего хитреца, детского порнографа не смогли вот так взять, наскоком. Остались только сведения, что почтовый адрес с нашей области, конкретно, с нескольких районных точек. Не с одной, а с разных, чтобы не мелькать особо. Это уже по воспоминаниям тех сайтовладельцев. Нашли они через свои контакты, прикинув по времени отсылки, что именно от нас порнуха шла. Самое тут интересное, что после того, как хитрец наш на них вышел, сразу с ними договорился о том, как он им будет материал подгонять, и как они с ним будут рассчитываться.

– А что тут особенного?

– О, тут целые «Семнадцать мгновений весны»! Прямо, шпионские страсти! В дальнейшем установилась жёсткая схема. Он звонит им с левого телефона, опять же, купленного где-то в комиссионке забытого города Задрищенска или с рук у наркоманов, с СИМ-картой «серой», благо их до сих пор пачками можно купить, слушает пожелания. Ну, там, добавить «косплея» на Красную Шапочку или БДСМа какого, пожёстче или классику, да мало ли, какая на рынке детского порно конъюктура. За всё время сменилось несколько десятков таких «серых» «симок». Как и телефонов. Не спрашивай, как ребята из «конторы» телефоны вычисляют, они не раскрывают эту информацию. Но, далеко продвинулись в высоких технологиях, тут не поспоришь. И опять же, звонил наш злодей из разных географических точек. Они биллинг как-то тоже хитро пробивали. «Контора»! – уважительно поднял брови следователь.

– Понятно, – кивнул Лёня. – Что дальше? Ведь на оплате легче всего его поймать. Самое слабое звено.

– Ага. Наш хитрец тоже об этом подумал. Тут он не стал оригинальничать с оффшорами и прочей новомодной навороченной галиматьёй. Старая школа. По психологическому портрету выходит, что он примерно твоего возраста...

– Но-но, – поднял палец вор.

– Да на тебя никто косо не смотрит! Ты чистый. Короче, на одном из присылаемых им в партии дисков всегда находили текстовый файл с чёткими инструкциями, что и как делать. Способы различались, хоть и повторялись. Он их чередовал без чёткой последовательности. И опять с подключением непричастных маргиналов из столицы. Да, он всегда мотался за деньгами в столицу. Такой почерк. Он просил забронировать на одном из кучи вокзалов автоматическую камеру хранения. Оставить там деньги. На стикере определённого цвета написать шифр от замка, номер ячейки, и бросить в определённое мусорное ведро в определённый день, в определённое время. А потом наученный им бомж вытаскивал цветную бумажку, шёл к камере, забирал пакет и топал на воздух. Там у него принимали пакет другие люди, уже непосредственно связанные с хитрецом. По последней закладке они проследили всё по камерам. Бомж отдал «бабки» какому-то молодому человеку, сообщнику хитреца, укутанному в капюшон толстовки, в очках и прочее, тот сел в такси и умчал за пределы города. Таксист рассказал, что он вышел за МКАДом, у лесополосы. Камер там, естественно нет. Таксист уехал, а молодого потом подобрал уже сам хитрец. Вот такая схема. Составили фоторобот молодого, но это полное говно. Хоть и не совсем бесполезное. Ещё он несколько раз делал то же, но в супермаркете. Говорил, где и когда оставить пакет с оплатой, а новый бомж, они каждый раз у него новые, подбирали его. И всё повторялось. Или просто, без затей, предлагалось в нужном месте в нужное время кинуть в шляпу нужному нищему в метро упаковку с деньгами. А потом её подхватывали. Короче, оригинальный подход.

– Да уж, – протянул смотрящий. – Просто шпионы-террористы какие-то. «ИГИЛЬ»², запрещённый в России...

Прозвучало несколько простовато, как такая же глупая реклама шоколадки «Альпен Гольд».

– Не, это дилетант, но с выдумкой. У шпионов всё проще и функциональнее. Или оригинальнее. Вроде фальшивых камней и прочей экзотики.

– Ну? А от обратного не пробовали? Отсюда копать, от нас?

– Что – ну? Тут «глухарь». Ясное дело, посылки посылали подставные. Причём, не с самого города, а с окрестных хуторов. Опять бомжа какого-то с паспортом или алкаша залётного просили, тот и посылал. Он даже не знал, что в тех бандеролях внутри. Пойди, найди теперь его. Он или помер скоропостижно, или свалил из города в неизвестном направлении, или всё вместе с доброй помощью заказчика. Дело началось год назад и таких видео отослали около тридцати. Грубо говоря, два-три раза в месяц. В почтовых отделениях, откуда шли бандероли, камер слежения даже нет до сих пор. А опрашивать бабушек, которые там корреспонденцией занимаются – время даром. Не помнят они за давностью и рутинностью.

– Совсем тупик?

– Не совсем. Гэбэшники начали оперативную игру. Они ждут звонка от хитреца. Сделают ему заказ, потом будут брать на передаче денег. Тут, как ни крути, у него действительно самое слабое звено. А пока мне придётся все побочные версии распутывать. Короче, «контора» нам «инфу» скинула и мягко попросила помочь и посодействовать разобраться. Сами в тупике пока, свою ниточку разрабатывают понемногу, да и утруждаться не хотят, и пачкаться обо всех тех многочисленных бомжей тоже. Нам эту радость передали ненавязчиво. Оно и понятно.

² Террористическая организация, запрещённая в России.

Им громкие дела подавай. Они ведь тоже все крупными финансистами теперь стали. Только и успевают сынков бывших партийных бонз на «бабки» и «золото партии» кидать. Потроша их швейцарские счета и сейфы. Пролетарский лозунг: «грабь награбленное» до сих пор актуален и профицитен. Там такой гешефт крутится, что подпольными кустарями вроде нашего порно-режиссёра местного, им заниматься некогда и не с руки. Вот теперь они этот «головняк» на нас перекинули, а отчётов ждут только положительных. Без пререканий и возражений. А где я им этого режиссёра возьму?

– Не, ну тут ясно, что раз детей втянули, надо по всем неблагополучным семьям пройтись, поднять статистику, кто сбежал, кто пропал. Опять же, все детдома в округе проехать, там поузнавать, что да как? Никто подозрительный детишек мимо закона налево не увозил? Хотя, этим детдомовским крысам легче ребёнка списать, мол, помер, или вообще сбежал, чтоб на могилу не ходить, не проверять, пустая она или нет.

– Вот! – Сергей поднял палец. – Сам понимаешь, что тут копать – только пыль глотать и камешки выплёвывать, а выхлопа – чуть. А то и вообще ни хрена. Но работа уже началась в этом направлении. Результатов, конечно, нет, так что, не знаю даже, с какого бока к этому делу подойти. Бомжами и алкашнёй теперь мои люди занимаются. Людей не хватает катастрофически. Позитива мало. Правда, есть один плюс. Относится он, правда, не к маргиналам. На всех видео один и тот же ребёнок. Это потенциально сужает круг, но только после установки его личности. Так что, пока всё глухо, ты разузнай у своих, из тех, кто мелкая сошка, ничего ли они там не слышали, не видели, не догадываются ли, может, о чём? Сейчас времена изменились, на многое сквозь пальцы уже смотрят. И в вашей среде тоже, хоть ты сам и не такой. Но, это данность. Помоги нашему общему делу, чтоб наш город стал чище. Надо эту мразь вычислить, вывести на чистую воду и сплавить куда подальше.

– Я спрошу, – Лёня нахохлился, потому, как новости пришлись ему не по душе. – Только наши архаровцы давно б такого мутанта сами на ремешки порвали бы, коли чего подобного узнали. Тут глубже копать надо. Навскидку, не могу представить, чтобы кто из «сходняка» таким делом промышлял. Не наш это человек. «Терпила» из зажиточных, который свой тайный маленький бизнес замутил решил. Тут поройся. Проверь всех этих новых и старых предпринимателей, что вон там, за городом обитают и не в близком круге, а так, коровы дойные. Возможно, что и накопашь...

Опять помолчали.

А из колонок потекли первые рифы нетленки «Парка Горького» под именем: «Москва зовёт». Толстенский дядечка, накативший дежурный стопарь, дождался припева и немзыкально, но вдохновенно подпел: «Басков Коля!! Ту-ду-ду-ду-ду, ту-ру-ту-ту-ту!!» Парочка рядом заржали во всё ещё раскрытые меню.

Теперь сам Сергей мстительно ждал, пока Лёня развяжет язык и выдаст свой козырь. Потому как его карты он вынудил открыть, хоть и не всё ему рассказал следователь, решив подождать прояснения причины встречи. И Лёня сдался.

– Кстати о птичках, – невинно улыбнулся вдруг он, – ты не расскажешь мне в свете последних открывшихся таинств, за каким бесом ко мне тут на днях «маски-шоу» являлись домой? И с ними очень презентабельный джентльмен сурового конторского вида?

– А что хотели? – как в пинг-понге вернул шарик Сергей.

– Картину мою посмотреть. «Охота на единорога». Давай, колись, что ты там такое мне недоговорил?

– Не, ты толком объясни, к тебе гэбэшник являлся, картину посмотреть?

– Серёжа, я тут сейчас от тебя краем уха своего услышал интересности всякие, как раз про «контору», педофилов и кино, поэтому сложил эти две простые вещи. И вижу, что выкопывается какое-то некрасивое положение. Под меня всё-таки копают, скажи прямо?

– Вот ты о чём беспокоишься! – облегчённо выдохнул следователь. – Нет. Ты им в этом ключе пока не интересен. За место можешь не горевать. Дело в другом. И сперва ты мне расскажи поподробней, чтобы я понял всю «картину» про картину тоже.

– Да что тут говорить. Вечером вчера постучались ко мне в гости. Сажу я, телевизор смотрю, как там, в сказке этой американской кхалиси на драконе летает, чайком балуюсь, велел никого не пускать, потому, как не жду никого в неурочный час. А тут заходят ко мне в залу люди в бронежилетах и масках чёрных, одни «шрифты» и «звякала» видать, тычут стволами моим сторожам в затылки и с ними этот тип в штатском. Играет на контрасте. Пока те невежливо руки моим орлам крутят, этот очень обходительно спрашивает, не могу ли я ему показать одну картину известного у нас в Китеже в прошлом художника? Говорю, отчего нет? Пожалуйста! И пока я веду его смотреть единорога, остальная шайка из шоу «масок» начинает по моему коттеджу проворно бегать, во все углы нос совать. Ну ладно, думаю, ищите, только «дрянь» всякую не подбрасывайте. Пока этот тип смотрит на единорога, я интересуюсь, мол, потеряли кого? Он фотки делает, видео снимает, уточняет, что, когда, как, при каких обстоятельствах картина куплена и прочее говно. А эти архаровцы весь дом прошмонали, ничего для себя интересного не обнаружили, извинились корректно и свалили в ночь. Правда, перед этим, картину вежливо с крючка сняли и упаковали с собой. Сказали, на временное хранение. Типа, с этой картиной некая мутная история началась. Появился то ли жулик, то ли мошенник какой, который копии с неё делает и барыжит мимо налоговой. И пока они его не возьмут, для чистоты эксперимента картина побудет у них. А дом мой обыскали на предмет мастерской по изготовлению копий с неё. Туфта голимая. Так ничего и не объяснили конкретно. Да, ещё просили никому об этом не распространяться до поры. Очень так настойчиво и убедительно, а то, мол, спугнём негодяя, если звонок разнудать. А мне объявили, что я чист и невинен, так что бояться мне нечего. Вот тут я и испугался. Потому как не понял ни хера. Может, ты просветишь?

– Но что-то же ты понял? Хоть не тогда, а теперь?

– Понял. И ещё больше мне не по себе. «Контора» ищет педофила и порнографа. Причём тут картина?

– А ты подумай ещё. – Сергей теперь наслаждался. Лёня был в замешательстве и представился редкий случай увидеть всю силу и скорость его интеллекта в деле. И он не подвёл:

– Кремлёвский маньяк объявился?

– Именно. Ты прости, что я тебе сразу всего не сказал, дело такое, сам понимаешь, щекотливое. Ты реально ни при чём, иначе я бы с тобой вообще эту тему не поднимал бы. Спи спокойно. И соображаешь ты скоро и правильно. Раз ты так быстро связал все концы, тебе объясню. Только это информация сугубо между нами. Свою голову тебе в руки отдаю, надеюсь, что не подставишь ты меня, а разумно распорядишься знанием.

– Серый, вот только не надо мне тут «ля-ля». Когда я тебя сдавал? Ты мужик правильный, хоть и «мент». У нас с тобой не просто деловые отношения, а нормальное общение, дружеское практически. Без интриг и марлезонских балетов. Мне какой ляд тебя как-то подставлять? Потом найди такого следователя на твоё место. Ты нашему делу не помеха, а подспорье. С умным лучше потерять, чем с дураком каким найти, сам понимаешь. Не бойся, слово даю, всё будет тихо и без шумера. По своим я пробью, что смогу. Вот так, как мы сперва с тобой договаривались, без лишнего трёпа. А сам я, как верхний над этим всем бардаком, должен знать чуть больше. Так что давай, рассказывай. И первое – причём тут Кремлёвский маньяк? Он же утонул вроде?

– Вот тут и начинается самое интересное, – полез в папку Сергей и вытащил пачку фотографий.

Лёня перебрал их неторопливо, приглядываясь и всматриваясь в тех, кто там был запечатлён. А на фотках были кадры из разных видео, тех самых, что подняли всю эту мутную волну. На нескольких крупным планом была выхвачена маленькая девочка. Лет двенадцать

от силы. Специально так, чтобы поймать именно лицо, для возможного опознания. На других спиной замер тот, кто совершал с ней свои грязные дела. На человеке была маска, поэтому толку от фоток анфас было тут мало. На остальных оказался общий план. И там, на фоне роскошной кровати и белой стены за ней, как раз и висела та самая картина с охотой за единорогом.

Надо сказать, что эта ситуация теперь выворачивалась совсем уж мистическим и таинственным боком. Потому как у неё имелась давняя предыстория, касавшаяся некоторых людей из этого круга и многих из последующих.

А дело было так.

Больше года назад Китеж потрясло событие настолько ужасное и отвратительное для такого маленького провинциального и патриархального городка, что оно сразу стало резонансным. В прокуратуру стали поступать заявки от безутешных родителей о том, что их малолетних девочек насилует какой-то маньяк. Извращенец педофил. Сыноква бросили на поиски, но пока все бригады рыли носом землю, устраивали засады и предпринимали прочие оперативно-розыскные мероприятия, ушлый маньяк успел отметить ещё с двумя новыми жертвами. Нет, он не убивал девочек, а просто вступал с ними в противоестественную связь, причём, используя «балаклаву», дабы не деанонимизировать свою личность, что отнюдь при этом не вселяло энтузиазма в родителей этих несчастных чад, и сильно будоражило разгневанную общественность. В итоге обнаружили маньяка сами жители и после поимки сильно его наказали. Так, что группа захвата еле успела отбить его от разгневанной толпы, готовой довершить самосуд. Практически, его отбили прикладами и дубинками. Тот лежал на площади местного кремля, совершенно бездыханный от побоев и уже заботливо политый бензином. Осталось только бросить спичку. Оказывается, он всё это время жил на территории памятника культуры и архитектуры, довольно заброшенного и мало посещаемого местными, что давало ему немалое преимущество в незаметности. Как говорится, плюс пятьдесят к скрытности. А вычислили его бойцы из собранного отряда добровольцев из жителей и возглавляемые какими-то есаулами из казачества. Они шерстили все возможные точки его появления и проверяли всех подозрительных. Так он и попался, случайно и глупо. После эпичной битвы в кремле за ним и закрепилось первое прозвище: «Кремлёвский маньяк», которое сразу невзлюбили все СМИ, с явной отсылкой к совсем другому кремлю. Уж больно неблагозвучно звучало оно из-за прямых аналогий и неизбежного по этому поводу сравнения и стёба.

Но это полбеда.

Сразу выяснилось, что тем самым маньяком является ни кто иной, как сбежавший пациент местной «дурки», то бишь, психиатрического отделения «Бурды». Некто Игорь Дугин, молодой человек, действительно страдающий диссоциативным расстройством идентичности. Причём в трёх состояниях своей личности. Первое, из-за которого его и держали в психушке, было буйным берсерком. При дебютном публичном проявлении он покалечил пару зевак, за что его взяли сперва в «ментовку», а потом, разобравшись, что клиент оказывается, личность гораздо более интересная, чем просто хулиган, отвезли на экспертизу, да так там и оставили, потому как пострадавшие (при настоятельных рекомендациях органов) вошли в положение и заявления забрали. С тех пор маньяк так и кантовался в изоляторе больницы. Второй личностью оказался почти нормальный человек. Очень при этом талантливый, хоть и не без творческих заскоков. Собственно, эта личность и являлась доминирующей, позволив ему долго бродить на воле. Ну а третьей и был тот самый педофил. Почти с животными инстинктами и повадками. Пока берсерк мирно дремал в глубинах сознания, выступая лишь в критические моменты, эти две его индивидуальности боролись в нём, с переменным успехом, в итоге одна договорилась со второй о паритете с взаимными выгодами. Берсерк же являлся личиной ретесивной, сторонним наблюдателем, и выходил только при прямой опасности. Кстати, во время поимки и народной расправы и самосуда берсерк предварительно уложил хуками и пинками больше полудюжины боевых дружинников, и не только тех, кто слабее и мельче. Только пара

реальных здоровяков, повиснув у него на руках, и тем самым обездвижив, смогла перевести преимущество на свою сторону.

Так вот, дело в том, что адекватная сторона оказалась хорошим, почти гениальным художником. Но с одной маленькой поправкой. Он был художником одной картины. Гением, заикленным на повторении. Но её он рисовал, хоть и многократно, но безупречно. Как принтер. Устав от безделья, в долгих беседах с заведующим психиатрическим отделением, он уболтал его дать ему мольберт, кисти, краски и прочее барахло. И за месяц накидал шедевр.

«Охоту за единорогом».

На картине был изображён тот самый титульный субъект из названия и некий преследователь-охотник, гонящийся за ним на горячем жеребце через лес. Все детали были выписаны со скрупулезной фотографической точностью и невероятной гармонией. Картина была одобрена заведующим и немедленно повешена у него на квартире. Игорь не стал отчаиваться, а ещё через месяц накидал вторую. Точную копию. Тогда заведующего и осенило. Предложив вторую картину на продажу, он быстро нашёл покупателя в лице своего знакомого, предпринимателя Панкрата. И понеслось. Вскоре весь бомонд захотел такое волшебство себе на стену.

Модное поветрие.

Вроде как, картина, написанная безумцем. Покупают же мазню слонов и шимпанзе или нечто, нарисованное сиськами, жопой, а то и ещё чем интересным, на продвинутом западе, а мы, китежские, чем хуже? Каждый высокий чиновник, бизнесмен и силовик считали своим долгом повесить сие произведение себе на стену в главной зале. Цены подскочили геометрически. Выстроилась очередь. А вот маньяк, смекнув, как теперь обстоят дела на белом свете, встал в позу, но без помпы. Тет-а-тет с заведующим. И потребовал за авансом оплаченных единорогов свой гешефт.

В виде малолеток.

Это его педофильская сущность выступила в альянсе с подмалёвщиком. Третий близнец затих и пропал. Он вообще редко появлялся и то в минуты сильных потрясений, как оборонительная сила, недаром, что берсерк. Теперь свойство этой личности осталось невостребованным за глухими жёлтыми стенами «крезовника», и он мирно и без скандала ушёл на самые недоступные глубины сознания живописца-детолюба. Кстати, те зеваки, что спровоцировали его на эпичный выход, оказались, как потом плавно выяснилось, махровыми гопниками. И не ожидали от тщедушного заморыша такого несимметричного ослепительного отпора. «Запасная» по функционалу личность создала фатальный для остальных прецедент. Хотя, это как посмотреть. Возможно проделки любителя маленьких девочек так же закономерно привели бы его под крыло сперва фемиды, а потом и мозгоправа. Только гораздо позже. Но неизбежно. Но, лучше так, чем, наоборот.

Так вот, набравший заказов заведующий недолго мучился совестью и сомнениями этической составляющей, а просто, пользуясь служебным положением начал поставлять Игорю пациенток из соседнего отделения. Таких же «поехавших». Но зрелые женщины, даже и симпатичные, не находили отклика в тонкой душе художника. Тогда неунывающий «лепила» и делец рынка живописи принялся водить ему сопутствующих клиентов, точнее, лечащихся в детских корпусах девочек с синдромом Дауна. Чтобы те много не болтали и им особо не верили. Однако строптивый гений не удовлетворился этими несчастными уродцами. Ему, как эстету, хотелось настоящей незамутнённой красоты. В итоге, написав всего девятнадцать идентичных картин, он в один прекрасный момент свинтил с дома скорби на вольные хлеба. Инструмент для побега, сам того не зная, ему доставил среди заказанных живописательных принадлежностей всё тот же незадачливый делегата от медицины-дробь-искусства, сиречь незадачливый и жадный инженер человеческих «крыш», бедолага заведующий.

А после жуткого явления во всей красе Кремлёвского маньяка, когда стали выясняться столь пикантные подробности, в больнице поднялся огромный скандал. Анатолий Владими-

рович Наумов рвал и метал, бедолага мозгоправ вылетел с должности и вообще из профессии и попал в КПЗ для дальнейшего унылого существования в качестве поражённого в правах отщепенца. Ему навесили условно и дали «пня» под зад, поэтому дальнейшая его судьба осталась неосвящённой по причине эмиграции из Китежа в связи с угрозой как жизни от рук благодарных земляков, так и состоятельности по причине потери лицензии на полотна и общего негативного отношения тех же работодателей из непрофильных сопредельных структур. Его даже дворником не хотели брать. Остались только сбережения от проданных картин, чего ему для старта в дальние дали и хватило с лихвой.

А к Игорю приклеилась ещё одна кличка. «Художник одной картины». А потом реакционная пресса стала играть с этим двумя идеонимами, выведя новый и самый оригинальный: «Кремлёвский художник». Что вкупе с соответствующей славой сильно перекликалось с другим известным художником, из Австрии. Тем самым, что развязал самую доставляющую войну в истории человечества. Этот салат из таких пряностей не мог не взорвать седалища у всех причастных. Ведь вся богема успела купить картины нашего затейника. Ведущие элитные бизнесмены, авторитеты, генералы, прокуроры и судьи, да что там, сами их сиятельства мэр и глава районной администрации. Последние два не просто сняли картины с гвоздиков, а избавились от них в темпе вальса, о чём потом пожалели. Глава, являясь заодно предводителем местных команчей, то есть эндемичных светлоярских казачков, прилюдно сжёг крамольное полотно, спасая репутацию, а вот мэр просто тихо и без помпы выбросил на свалку, о чём, правда не преминули упомянуть в одной из заметок его подведомственные СМИ. А через пару дней цены на рынке живописи вдруг взлетели до космических высот. Кое-кто продал свои экземпляры, но остальные сохранили, как рачительные и дальновидные мудрецы.

Виновник же торжества правосудия оказался настолько избит, что от нанесённых травм и повреждений впал в кому. И попал к тому самому гению вывода из оной, доктору Наумову. В больнице постоянно дежурил наряд полиции, журналисты, какие-то подъесаулы из непримиримых и прочая мутная тусовка. Все ждали невероятного. Когда Кремлёвский художник размежит веки и начнёт давать нетленные показания.

И чудо таки случилось, хвала гению Наумова!

Пациент в одно прекрасное утро пришёл в себя, но был очень слаб. Правда, быстро начал приходить в форму. Тогда-то Сергей Сынков и обзавёлся собственной страшной тайной, повязавшей его с Наумовым. Следователь понимал, каким бардаком может обернуться это «воскресение» для города в целом и репутации органов в частности. Того и гляди прозеваает охрана и художника «кончат» благодарные почитатели его таланта. И он решился поговорить с главврачом. Тема разговора состояла из обсуждения возможной кончины объекта всяческих вожделиний от голодной до расправы толпы потерпевших. Наумов проявил неподдельный интерес, как выяснилось, он сам был не против такой развязки. Репутация его заведения тоже была подмочена неугомонным проказником до маленьких девочек и его неумным и жадным покровителем. План сложился мигом. Наумов невзначай попадает под благовидным предлогом внепланового обхода в палату к маньяку и ставит ему укол с хитрым составом, в простонародии именуемым «живительной эвтаназией». Вопрос со вскрытием Наумов обещал утрясти с патологоанатомом, который оказался вдруг не против такого оборота. Возможно, Роман Андреевич тоже не разделял взглядов на тиражирование единорогов, перемежаемое сексуальными забавами с допубертатным электоратом. А возможно из-за солидарности к начальнику, другу и однополчанину. В итоге его заключению поверила бы любая комиссия, случись она вдруг по какой-то фантастической причине. Кому нужно теревить мотивы трупа о его обретенности сего состояния, когда будучи ещё живым, он так безобразно поставил себя в обществе?

И вот тогда случился грандиозный провал. Лично страхуя главврача, Сергей попал с ним вместе в палату. Для охраны снаружи была готова версия о пробной попытке первого допроса при условии таковой возможности. То есть, главврач осматривает пациента и даёт добро

на допрос. Сынков пытается что-то выяснить, но маньяк запирается. Они уходят, а потом маньяк тихо покидает мир живых. Но выяснится это лишь к утру по причине сбоя оборудования. Наверное, сильно психанул от вида следователя и случайно вырвал какой-то проводок или переключил тумблерок. Кто там потом будет вникать?

Дверь предусмотрительно заперли, камеру в помещении отвернули в сторону загодя. Сперва всё шло по плану. Игорь дремал и даже не заметил, как в капельницу вошла игла, и раствор фатума начал проникать ему в кровь. А потом всё завертелось с невероятной быстротой. Маньяк разом проснулся, вскинулся, вырвал все капельницы из вен и, выхватив спрятанный под матрасом кусок трубы – детали кровати, огрел следователя по плечу. Да так, что Сынков сам потерялся на несколько секунд и обнаружил себя уже лежащим на полу. Маньяк уже расправился с главврачом, безжалостно дубася его трубой. Кровь забрызгала пол. Берсерк бесновался, в дверь ломилась охрана. Бросив стонущего Наумова, Игорь стал вышибать окно и решётку. И что удивительно, эта невероятная сила берсерка, скрытая до поры в тщедушном теле, аккумулируя до поры энергию, позволила ему добиться своего. Решётка просто вылетела, шурупы, держащие её массив в бетоне, вырвало из вбитых дюбелей. Она полетела вниз, а следом сиганул и маньяк. В палате грохнул выстрел. Сергей стрелял, лёжа на спине, держа пистолет левой здоровой рукой, отчего попал не совсем туда, куда хотел. Но успел заметить, что пуля вошла маньяку в верхний край левой лопатки. А безумный берсерк пролетел три этажа и скрылся в ночи.

Был объявлен план-перехват, добровольцы прочесали местность, но ничего не нашли. Вернее, не нашли преступника. Вместо этого на берегу Светлояра нашли кровь и больничную пижаму с дырой в месте, куда попал Сергей. Видимо, очумевший безумец как-то добрался до озера и, раздевшись, отправился вплавь, имея некий сумасшедший план или надежду, или просто кураж идиота. Было оцеплено и осмотрено по периметру всё озеро, но следов выхода не обнаружили. Так же, после, ни солоно хлебавши, вернулись и водолазы. Шутка ли, прочесать такой огромный водный массив! Сергей в тайне надеялся, что часть яда попала маньяку в кровь, и тот просто захлебнулся где-то посередине озера, уйдя навек на дно, унеся своё зло окончательно с этой земли. А потом его тихо, но быстро доели рыбы и раки.

Но теперь понятно, что так не получилось.

Эта история была долго на слуху у всего города. Многие сочувствовали потерпевшим следователю и главврачу. Только никто, кроме этих двух, не знал истинных мотивов появления в палате с таким неожиданным поворотом и исходом событий.

Даже Лёня.

– А с чего ты решил, что это именно Кремлёвский художник? – спросил Лёня, глядя на фото с человеком в маске.

– Посмотри, – Сергей указал пальцем, – видишь шрам? Это моя пуля. Он выжил. Чёрт его знает, как, но он умудрился не сдохнуть и даже как-то обустроился, не покидая Китежа. Да и тот сраный фоторобот похож именно на него. Я об этом дядям в золотых погонах не сообщал. Имей в виду. Смекаешь?

– Думаешь, он выжил потому, что ему помогли? Кто?!

– Да Бог его знает. Надо работать. Вот комитетчики уже начали. Они пошли от картин. Проверили по-тихому всех местных и даже неместных владельцев. Тебя вот тоже. Все оказались чистыми. Они же проверяли не только картины, но и всю территорию на предмет наличия всего, что связано с маньяком, съёмками и всей историей. Вот только ни у кого в домах не стояли кровати, над которыми висит картина, нет камер, нет маленьких девочек, и не прячется гражданин Дугин. Проверили все картины, кроме последней. Той, которую выкинул наш дальновидный мэр. Но работа над этим ведётся. Смешно, но опять силами МВД и СК, а не «конторы». Им не с руки бомжатники на городской свалке шерстить.

– Возможно, именно в ней отгадка, – задумчиво проговорил Лёня. – А возможно, и это фуфло.

– Ты тоже так думаешь? – воспрянул духом Сынков.

– Ага. – Довольный Лёня расплылся в улыбке. – Что мешает этому порнографу-покровителю заставить художника нарисовать ещё одну картину? Чтобы запутать следствие, подставить солидных людей, таких, как я, например, да мало ли, затянуть процесс и просто поиздеваться?

– И я так подумал, – облегчённо вздохнул следователь. – Заодно эта возня с картинами будет лакмусовой бумажкой, по которой он определит, что за ним началась охота. Если слухи всё же расползутся. Оттого они тебя и просили настоятельно прикрутить «метлу». Коварен, бродяга.

– Что дальше думаешь?

– Пока тупик. Но лучик обязательно будет. Главное – не болтать, не давать информации разойтись. А то бумажка поменяет цвет.

– И я знаю, даже, на какой, – невесело пророчествовал вор.

– Да. Я тоже догадываюсь. На красный. Когда дело получит хоть малую огласку, появится труп. А то и два. Ребёнка и маньяка. Если с художником всё ясно, то вот девочку обидно будет потерять.

– Крепись, служба! – хлопнул его по плечу авторитет. – Такая уж твоя скорбная «ментовская» доля!

– Ты понял, Леонид, почему теперь надо очень осторожно вентилировать вопрос? Чтобы не допустить смерти девочки. Да и гэбистам игру не сломать, если хитрец проявится.

– Я на «понял» дом построил, – отшутился тот. – Да конечно, Сергей, о чём речь. Я всё понимаю. Надо работать. Работать быстро и чётко. И варезку не разевать. Но ты особо не надейся. Когда в деле маньяки, лётся кровь. Это аксиома.

И они вновь надолго замолчали, думая каждый о своём и одновременно, об одном и том же. А из колонок полилась неспешная унылая мелодия про, скорее всего, глухонемого космонавта, общавшегося тихо на пальцах. По имени: Стоша Говназад, судя по тому, что у него притяженья больше нет.

И хорошо, если не будет.

Сумерки пали на город Китеж, выпачкав всё чернильно-фиолетовым мраком. Вспыхнули больные желтухой фонари вдоль Советской, загудели, матеряя, почувявшие первое дуновение ночной прохлады комары. Пора было расходиться. Тем более, все насущные вопросы, скопившиеся за этот душный долгий день, были перетёрты и решения по ним приняты.

На прощанье, уже пожав следователю руку, вор хмуро спросил:

– А знаешь, как у нас в Сыктывкаре называют памятник у Вечного огня?

– Как?

– «Бабы жарят крокодила»!

– Почему?

– Да там стоят три женщины, у которых по рукам стелется прямой такой веноч. Так вот, веноч так сляпан, что если смотреть на него прямо, получается, что три бабы несут какую-то хрень, больше похожую на крокодила, чтобы изжарить её на костре. Там перед ними как раз и горит Вечный огонь.

– Это ты к чему? – не понял Сергей.

– Это я к тому, что у нас и раньше-то не было ничего святого. А теперь – и подавно...

4

Постучав в двери флигеля, расположенного в больничном саду, Женя позвал:

– Дядя Рома! Вы тут?

Никто ему не ответил, зато сама дверь немного подалась внутрь. Она оказалась незапертой. Женя ещё раз окликнул патологоанатома по имени, но тот безмолвствовал. Потоптавшись немного на пороге, санитар толкнул дверь ладонью и несмело вошёл в полумрак помещения флигеля. В другой руке он сжимал бумаги с результатами лабораторных исследований. Уже рассвело, поэтому искать выключатель он не стал. В окна проливалось достаточно света, а молодые глаза быстро привыкли к полумраку.

Убранство жилища Романа Андреевича оказалось необычным и даже странным. Да, он жил не в городе, в квартире или в общежитии, а обосновался тут. Прямо в больнице. По ряду обстоятельств. Главврач выделил ему пустующий старый флигель, помнивший ещё довоенные годы и использовавшийся долгое время, как склад для потенциально нужного больничного барахла. Всё, что ломалось, отказывалось работать или просто ветшало, сносились постепенно сюда, где ждало во мраке своей окончатальной участи. Были надежды, что появится некий мастер, способный починить и наладить этот хлам, только с каждым годом они истаявали и превращались в призрачные тени.

А потом появился прозектор. Он снимал жильё на другом конце города после тех мистических неприятностей, что с ним приключились ранее, что было неудобно в плане ежедневных походов на работу. И через некоторое время, при протекции и содействии главного, он переселился сюда. Почивший в бозе хлам он перетаскал на свалку, а то, что мог починить, использовал в хозяйстве. В основном мебель и разную бытовую мелочь.

Женя озибался внутри жилища патологоанатома, находясь тут впервые. Раньше он просто звал Романа Андреевича, и тот сразу выглядывал наружу. А вот теперь его не оказалось дома. И Женя смог внимательно рассмотреть всё вокруг себя. И многое его удивило.

Удивило отсутствие какой-либо сложной бытовой техники. Стирался прозектор в былинной прачечной, ел в столовой, благо его всегда были рады там угостить местные ленивые повара, почитая его за коллегу: им тоже приходилось копать во внутренностях трупов, только мёртвых животных, вроде куриц и свиней. Да и на деле не копались они во внутренностях. Тушки скота и птицы приходили в столовую уже потрошёнными. Однако причаститься к таинству хотелось всем.

А вот отсутствие телевизора, не говоря уж о компьютере или чём-то подобном, Женю сбило с толку. Как же он тогда тут развлекается? Ответ на этот вопрос зримо присутствовал тут же. Висевшие по стенам полки были заставлены книгами, разноцветные корешки которых поблёскивали тиснёными буквами и вензелями. И подбор их оказался довольно причудливым, претенциозным и вычурным. Собрания сочинений Шекспира, Конан Дойля, Гоголя, Булгакова. Две нетленные поэмы Гомера, «Божественная комедия» Данте. Стихи Пушкина, Есенина и Гумилёва. В углу затёрты десятком томиков Стивена Кинга и столько же Звягинцева. Отдельная полка выделена для иной литературы. Библия, а далее – Шопенгауэр, Ницше, Сведенборг. «Моя борьба» в самиздате. Индийский трактат о прошлых жизнях Будды со странным названием: «Джатаки». «Молот ведьм» Инститориса и Шпренгера. И увиденный Женей впервые «Трактат Сатаны» Андреаса Шлиппера завершал этот непостижимый логический ряд. В общем, чтиво патологоанатома оказалось таким же странным, как и он сам.

Опрятно убранная постель выдавала в хозяине основательность, а общий порядок – нотки перфекционизма. С другой стороны, чем тут ещё заниматься, если даже «телека» нет? У кровати стояла тумба со старинной лампой-абажуром, видимо помогавшая коротать время за чтением. Пол не скрипел и выглядел чистым. Зато стены несли следы прошлых катаклиз-

мов и были в самых разгромных местах заклеены постерами со странными репродукциями, похоже, что одного и того же автора. На этих картинах изображались какие-то уродцы и совершенно фантастические существа, не похожие ни на одно животное, и ведущие себя, как люди. Не то, чтобы страшные или сильно уродские, но какие-то неприятные, не принимаемые душой. Они что-то ели вилками с тарелок, несли стяги, кучковались митингом в обсуждении, изображая как бы людские занятия, только уродливо трансформированные в это мутировавшее сборище. Смотреть на них было тревожно и неприятно. Был в картинах какой-то недобрый посыл смотрящему. Намёк, будто художник невзначай приподнял край того покрывала, которое поднимать не стоило. И в этом послыле заключался безусловный талант автора, так уверенно сумевшего зацепить неказистыми фигурками и созданием вида осмысленной деятельности бессмысленных на первый взгляд существ.

А вот и стол, на котором стоят знаменитые чайные чашки тонкого китайского фарфора. Говорили, что прозектор иногда любит попить чайку с покойниками в холодильном отделении, соединённом с секционным залом. И заодно побеседовать с ними «за жизнь». Женя пока не удостоился такого зрелища, но он нарочно и не пытался выследить Романа Андреевича за его слабостью или причудой. А вот теперь эти чашки навеяли мысли, что увидеть такой номер было бы очень интересно. Воспоминаний и впечатлений хватит надолго. Он решил как-нибудь попытаться ненавязчиво заглянуть в «холодную», когда прозектор решит там позабыться диспутом с очередным трупом. А если повезёт, то и незаметно снять этот процесс на камеру телефона.

А может, ради такого случая, стоит взять у кого-то из знакомых настоящую видеокамеру?

Эта мысль увлекла санитаря, и он не услышал, как бесшумно открылась дверь, и в помещение мягко шагнул патологоанатом. Заметив гостя, он чуть усмехнулся и аккуратно приблизился к нему со спины, стараясь не вызвать никакого шума. А когда встал почти вплотную к Жене, заглядевшемуся на вазочку с конфетами, раздумывая, наверное, стоит ли стащить одну, то своим непередаваемым плотным, как рокот мотора голосом, выдал:

– Чаю?!

Женя подпрыгнул натурально к потолку. Потолок во флигеле оказался высок и он не достиг его макушкой, хоть попытка и оказалась почти осуществимой. Бумажки с данными экспертиз от неожиданности веером разлетелись, тихо шелестя.

– Ой! – только и смог выдавить посеревший и выпучивший глаза санитар, а прозектор коротко хохотнул, радуясь произведённому эффекту.

– Не всё ж тебе меня врасплох заставить, – он прошёл к столу, сдвинул чашки и сел на заскорузлый стул, протянув руку и включив свой уютный ночник на тумбе. Комнату залило тёплым ламповым светом, сразу стало уютнее и светлее. Женя торопливо бухнулся на колени и принялся собирать непокорные листки, подавая их по одному прозектору. Роман Андреевич брал их степенно, складывая один к одному и пробегая глазами наискось. Ничего интересного результаты анализа тканей и содержимого разных полостей умершего Вадима «Панкратовича» не несли.

– Сам смотрел? – деловито поинтересовался патологоанатом, имея в виду результаты.

– Ага. Ничего они там не обнаружили. Ни наркотиков, ни веских причин для летального исхода. Сплошные стандартные отписки. Они теперь там голову ломают и нервно курят. Что теперь будет-то?

– Содержимое желудка описали?

– Да. Вот! – Женя протянул листок.

– Что в нём?

– Доценко долго разбирался. Покойник при жизни много чего там намешал. Но потом всё-таки понял, что же там за коктейль. Сначала покойник пил виски, потом пиво. А в конце догонялся вином.

– Вино! – патологоанатом довольно откинулся на спинку. – Именно! Вино!

– А что вино?

– Истина в вине! Мой юный друг! *In vino veritas, in aqua sanitas!* Плиний Старший.

– В смысле?

– Без смысла. Смысл тут один. В вине и есть истина. А санитары пьют воду, а не вино, потому что не учат латынь.

– Я только пока санитар. Временно. Потом буду врачом. А латынь я учу. И, не: «пьют санитары воду», а: «в воде – здоровье».

– Оценка «пять». Впрочем, теперь все эти угрюмо-понурые головы в лаборатории могут вздохнуть спокойно. Я разгадал всё-таки загадку кончины нашего недоумка и наркомана.

– Наркотики?

– Безусловно. Но! Именно вино сыграло тут свою фатальную ключевую роль. Чаю будешь? Евгений?

– Ну-у-у, – раздумчиво протянул санитар, растерявшийся от резкой смены темы.

С одной стороны выпить чаю в гостях у патологоанатома, у легендарного дяди Ромы, как тот позволял Жене себя называть, было весьма лестно и круто. А с другой – не хотелось притрагиваться к фарфоровым чашкам. Пусть покойники и не касались их, но – как знать?

А вдруг?

Вот и пей потом после мертвяка чаёк! Но прозектор разрешил сомнения молодого студента, вытащив из тумбы толстостенный привычный бокал с какими-то вишенками на боку. А одну из чашек убрал на его место. Потом включил электрический чайник и принялся разливать заварку. Вместо сахара он предложил конфет, на что голодный и благодарный Женья охотно согласился, уже смело присев на соседний шаткий стул. Он быстро освоился и, имея живой и любознательный характер, проявил его в той ситуации, когда его не могли использовать для того, чтобы заставить выполнять некую необязательную работу. То есть, он открывался тогда, когда не чувствовал, что его истинная суть будет нагло подмята в чужих интересах. Как, например, сейчас. Ведь патологоанатом не собирался его «запрягать», а даже наоборот, предлагал расслабиться и почревоугодничать. И для затравки Женья принялся ненавязчиво накидывать простые вопросы:

– Интересный у вас выбор того, что можно почитать...

– Да? – Роман Андреевич обернулся на свою полку, будто забыл, что у него в жилище есть книги. – И что тебя смутило?

– Да вроде некоторые и на определённого любителя, а некоторые так, популярные. Но есть и совсем нетривиальные.

– Хотел бы полистать?

– Не знаю, – засомневался санитар. – Я книг не читаю. Кроме учебников. Я аудиокниги слушать люблю.

– Книги, они как уравнения. В школе ты же не сразу принялся вычислять интегралы и прочие тангенсы с котангенсами? Так и книги. Идти нужно от простого к сложному. Сперва к уравнениям с одним неизвестным, потом с двумя, и так далее. И ещё очень важно читать между строк. Или составлять своё мнение, основываясь на совершенно противоположных точках зрения разных оппонентов во взгляде на одну и ту же проблему. Смекаешь, о чём я?

– Примерно, – Женья неопределённо пошевелил ладонью и, решив, что сейчас разговор может неожиданно завернуть куда-то в дебри философии, сменил тему: – А что у вас за картинки на стенах? Уродцы какие-то?

– А, эти? – улыбнулся прозектор. – Это трюлики.

И принялся разливать заварку и кипяток по чашкам и бокалам.

– Вроде гномов? – робко уточнил Женья.

– Нет. Так их называл сам художник, который их выдумал. Гелий Коржев. Хороший художник, кстати. Основательный. Прямой. Честный. Тут не только трюлики, тут и другие его картины есть. Вон там, – он махнул рукой на дальнюю стену, погружённую во мрак, – «Егорка летун». А справа – «Указ короля».

Женя пригляделся. Егоркой оказался мальчик в рубахе, штанах и лаптях, распластавшийся на сложной конструкции из ремней, рам и дерюги, вроде крыльев Икара. Он, то ли отдыхал после удачного полёта, то ли лежал мёртвым после неудачного. Было не ясно до конца, но Женя, как почти профессионал, сразу определил отсутствие на мальчике повреждений, а значит, всё с ним было хорошо и беспокоиться не о чем. А вот следующая картина была скорее аллегорична. На ладони великана пролетарского вида стоял микроскопический король в мантии из горноста и в золотой короне, сильно смахивавшей на шахматную. Ироничный смысл полотна был предельно ясен.

Пока он глазел, Роман Андреевич быстро что-то настрочил на листке бумаги, вложил его к остальным документам. Потом подвинул налитый чай гостю и зашуршал обёртками конфет.

– Чтобы понять то, что хотел сказать гений, надо углублённо изучать всё, что он создавал, – назидательно пояснил патологоанатом санитару. – И находить кроме общего смысла ещё один, скрытый. А то и второй, и третий. Как и во всём остальном. Например, в Библии. Ты читал Библию?

– Так... – пожал плечами Женя и откусил от конфеты половину, а потом всосал первую порцию горячего напитка.

Чай оказался превосходным. В меру крепким, терпким и душистым. Не то, что заваренный из одноразового пакетика суррогат и опилки, сметённые в упаковочный агрегат усталыми рабочими на чаеразвесочной фабрике. Такой чай, как у прозектора, не стыдно выпить в любой компании.

Даже с покойником.

– Так в ней, – продолжил прозектор, – смыслов столько, что можно находить каждый раз новый. С совершенно иного ракурса, изменяющий предыдущие кардинально, можно сказать, изменяющий их полярность. Собственно, не только и не столько в Библии. Скажем, в «Мастере и Маргарите» намешано не меньше. Или Стругацкие. Жаль, пришлось продать в своё время их собрание. Перечитывая их каждые пять лет, всегда находишь новые оттенки скрытых ранее смыслов. Но, это сложно. На это можно потратить всю жизнь. Это как крутить калейдоскоп, всё время наблюдая новые, неповторяющиеся узоры.

– Так вы в Бога верите? – решил в лоб прервать вновь начинающуюся риторику Женя.

– Хм, – смутился Роман Андреевич. – Почему нет?

– Так ведь Бога нет? – слукавил, открыто идя на конфронтацию упрямый пройдоха санитар.

– Запомни, Женя, – веско пояснил патологоанатом, – истина, в отличие от правды, которая у каждого своя, находится всегда где-то посередине. Не рядом, как у Малдера и Скалли, а в центре ото всех крайностей. Закон симметрии. Часть считает, что Бог есть. Другая часть считает, что его нет. А истина, она между ними. Что-то есть, но это не Бог в любом виде, каком его пытаются представить те, кто в него верит. Практически он не отличим от пустого места, в которое верят те, что не верят в Бога. Только вселенная не терпит пустоты, а значит, там что-то есть. Недоступное пониманию, но от этого не менее материальное. Пусть оно не напрямую влияет на наш простой трёхмерный мир, а через новые, недоступные нам пока измерения, но что-то определённо есть. Возможно, это мы же сами из будущего, где научились управлять временем или ещё какой ипостасью пятого или шестого измерения, а возможно – то, что нам будет привычно называть Богом. И дело не в вере. Есть там что-то или нет, от нашей веры не зависит. Когда придёт время нам узнать, мы вольно или невольно, но обязательно и непременно будем открывать для себя эти новые горизонты познания. И вот тогда в свете открыв-

шейся истины все утерянные пазлы общей картины понимания мира встанут для нас на свои места. И всё станет просто и понятно. Чтобы совершить, в свою очередь, новый виток. Где вновь всё станет под сомнение и вновь нас начнут терзать новые неразрешимые на том этапе вопросы. Но, уже совсем другие. В общем, я пока в процессе познания. Более конкретно пояснить не могу. Не весь материал собран и обработан.

– Это вам покойники рассказали?

– И показали. И просили передать, если ты не оставишь меня в покое до того, как всё будет в порядке, они тебя в пекло утащат одной прекрасной ночью. Допивай, давай, любознательный ты наш.

Женя почти допил чай и съел уже четыре вкуснейших конфеты. Настоящий «Мишка на севере» питерской фабрики. Он немного заскучал, то теряя нить разговора, то вновь улавливая знакомые сочетания, но вдаваться в спор ему расхотелось. Уж больно массивные доводы громоздились на его усталую, почти не спавшую всю ночь голову. Впрочем, общее направление мыслей Романа Андреевича не напрягало его. Прозектор говорил убедительно, но без фанатизма и лишнего нажима для убеждения. Он не убеждал, он размышлял.

Вот, значит, о чём патологоанатом беседует долгими ночами с трупами в «холодной». О жизни и смерти. О грани, их разделяющей. О том, что там такого интересного и недоступного за чертой. Но те ему тайн пока не открывают. Судя по его речам, они дают ему лишь намёки. Хотя, как мёртвые могут что-то там давать? Они ж трупы! Совсем без сна голова не работает! Дурит меня дядя Рома что ли? Прикалывается? Или нет? Да какая разница! Пора сваливать из больницы и заваливаться спать. А то вечером ещё надо переделать кучу дел. Санитар благодарно и сыто посмотрел на говорящего прозектора.

– Понимаешь, о чём я, мой юный наивный друг Евгений? – подвёл итог разговора, тоже насытившийся Роман Андреевич. – Вижу, что не очень. До лампочки тебе эти мои бредни. Да оно и правильно. Тебе об этом пока задумываться рано. Не того уровня упражнения. Не интересны они тебе пока. В тебе жизнь сейчас бьёт ключом через край. Энергия плещет. И тратить её на мыслительные процессы, когда тело требует своего, совершенно абсурдно. Тебе гулять надо. Совершать безумства и подвиги, очаровывать девчонок, побеждать врагов и лезть на самые высокие пики рекордных достижений для самоутверждения и самоуважения. Всё верно. А потом всё сам поймёшь. Если поумнеешь. Или не поймёшь, и будешь проживать серую жизнь обывателя с цикличным процессом-кодом: «кровать-работа-дом-пиво-телевизор-кровать».

– Ох, – встал из-за стола санитар. – Такой судьбы я себе не хочу. И постараюсь понять, ну, когда время подойдёт. А теперь мне пора. Спасибо большое за чай, дядя Рома!

– Пошли, – патологоанатом тоже встал со стула. – Сейчас «следак» с утра пораньше пожалует. Надо будет ему ответ держать. Слава Богу, всё разрешилось как нельзя лучше. Покойник не стал долго кривляться и поведал мне всю правду о своей кончине. И никто в итоге не виноват, кроме самого виновника торжества. Ибо незачем было мешать наркоту со спиртным.

– Кстати, дядя Рома, – вспомнил Женя, – к нам вчера вечером Наташку Перезрелову подвезли.

– В морг?

– Зачем в морг? В «травму». Представляете, она на своём «Порше» под трактор въехала! Теперь переломанная лежит в коме. Представляете?

– А что тут представлять. Кома – это пограничное состояние. Отдельная тема. Что они там видят, никто не знает. А когда просыпаются, ничего не помнят. Будто вновь рождаются. Иногда даже себя не помнят. Потом, конечно, память возвращается, но это очень напоминает глубокое похмелье. Пока кто-то другой тебе не расскажет о твоих вчерашних подвигах, сам ни за что не вспомнишь. Иногда, конечно, бывают исключения. Например, вспоминают свои прошлые жизни. Или вспоминают языки, на которых отродясь не говорили. Но это редко. Кома –

дело не менее тёмное, чем то, о чём мы с тобой тут вскользь побеседовали. Это к главному нашему, к Науму, он по коме спец.

– Точно! У меня пару раз так было! – развеселился Женя. – Амнезия. С бодуна...

– Давай, дуй домой, а я пойду к себе, в прозекторскую, – хлопнул его по плечу патологоанатом.

Потом постоял в тених деревьев больничного сада, провожая взглядом худую юркую фигурку санитаря. И тяжело ступая, пошёл к зданию морга. Там у входа уже маялся Сынков, присев на корточки у лесенки с перилами и куря сигаретку. Роман Андреевич степенно подошёл и поздоровался с ним за руку.

– Утро доброе, Сергей Юрьевич! – крепко сжал он руку поджарому смуглому следователю.

– Здравствуйте, – сухо ответил тот. – Доброе или как, зависит от вашего эпикриза. Или как там это называется?

– Примерно так и называется. Без разницы. Не забивайте себе голову всякими терминами. Вы же, как Шерлок Холмс, должны держать свой «чердак» в образцовом порядке.

– Куда мне до великого сыщика, – чуть оттаял Сергей. – Да и Китежу до викторианского Лондона далековато. Так что там по нашему трупу?

– Несчастный случай. Если сухим языком протокола. Однозначно, несчастный случай. Стечение роковых обстоятельств. А если смотреть на это с угла зрения морали, то это чистое самоубийство. Нельзя же так увлекаться тем, что нас, не делая сильнее, убивает однозначно.

– Это вы о чём? Поясните.

– Покойник намедни принимал сперва много крепкого алкоголя. Судя по общему состоянию его внутренних органов, делать это ему было совершенно противопоказано. Но это пока не самая «мякотка». Приняв на грудь большую дозу виски, он не успокоился, а долил в себя пива.

– Летальное отравление алкоголем?

– Нет, конечно. Всё не так банально. Он решил, что всего этого мало, и вдобавок ещё «закинулся» «льдом». А уж после всего отполировал сей гремучий коктейль винцом.

– Чем? – Сергей нахмурился. Манера патологоанатома легко мешать умные медицинские термины с жаргонными понятиями сбивала с толку. – Я про то, что было до вина?

– «Лёд» – одно из неформальных названий производных амфетамина. Синтетический наркотик, столь популярный в богемных и обеспеченных прослойках нашего общества. Не всем доступный, дорогой, опасный, как королевская кобра и совершенно запрещённый. Так вот, при взаимодействии этих двух взаимоисключающих параграфов, в организме, ослабленном излишествами подобного толка, происходят совершенно фантастические процессы. То, что мог бы пережить организм здоровый, да и то с непредсказуемыми результатами, наш с вами пациент не сдюжил. Возбуждающее действие «мета» и подавляющее алкоголя спровоцировали обтурацию бронхов.

– И что это значит?

– Он банально задушил себя изнутри. Окклюзия бронхов, спазм лёгких, асфикция и смерть. Но не это самое интересное.

– А что?

– А то, что в анализах вы не найдёте и следа этого наркотика. Это я к тому, что в заключении всё подробно описано, однако амфетаминовые производные распались естественным путём в процессе, и поэтому могут быть и не упомянуты в частных разговорах с тем, кому это интересно. Хотя в «сопроводилке» и указаны, как возможные причины, таков протокол. Это я к тому, что у папаши могут возникнуть естественные вопросы по поводу того, кто виноват и что с этим виноватым делать. Так вот, забегая вперёд, поясню, что виноват сам покойник. Никто его насильно не травил наркотой.

– Угу, – кивнул следователь. – Спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

– Приятно беседовать с умным человеком.

– И как мне это объяснить Панкрату?

– Я оставил своё дополнение, подкреплённое расшифровкой анализов содержимого желудка. В двух словах, произошло редкое явление. После «мета» он успел ещё выпить изрядное количество красного вина. И пока в нём ещё вяло текла кровь по сосудам, морфин разложился на безобидные составляющие ферментами из вина. И в итоге мы имеем чистый труп без присутствия наркотиков, но труп холодный и необратимый. Увы, я лишь судмедэксперт, а не волшебник. Я не могу вернуть папаше сына, даже такого непутёвого. Придётся ему переживать это горе самому, без отрыва на посторонних и непричастных. Как говорить, пороть надо было, пока тот лежал поперёк лавки.

– Ясно, – заметно повеселел Сергей. – Я тогда заберу все результаты?

– Да. Вот оригиналы. На посту вас уже ждут копии, если нужны. Всё по протоколу. Я вам помог?

– Да! Спасибо большое!

– Тогда такой вопрос. Я не вчера родился, и знаю, как устроена эта жизнь, и эти люди. Бояться надо живых. Мёртвые не кусаются, как говаривал Билли Бонс. Не все, по моему скромному мнению, и не так больно, как живые. Не в этом суть сегодня. Панкрат непременно захочет выяснить, откуда в Китеже «лёд». А у меня есть только одно предположение. И оно теперь лежит у нас в «травме». И зовут его: Наташа Перезрелова. Она, конечно, не образчик целомудрия и морали, но в её теперешнем беспомощном положении с ней может случиться всё что угодно. Особенно, если Панкрат заточит на неё зуб. А зачем нам ещё один труп?

– Это верно. Я подумаю, как обезопасить девушку. Я слышал, она вчера попала в аварию.

– Я вам помогу. Если вы убедите Панкрата в том, что «мет» его сыну принёс кто-то совершенно левый или он сам его как-то достал, это будет приемлемым выходом. Это при условии, что он будет внимательно вчитываться в мою писанину и заострится на тех самых «возможных причинах». А если вы сами ему убедительно всё обскажете, не концентрируя внимания на препарате, доставленном из далёкой столицы ветреной девицей, а просто как о некоем безымянном наркотике, тогда и проблема решится сама собой. В общем, я не занимаюсь делами живых, но имею к ним некоторое сострадание.

– Хорошо, Роман Андреевич, я сделаю, что смогу. Обещаю. Спасибо вам ещё раз. За всё. Извините, спешу! До свидания!

– До скорого свидания, – кивнул прозектор.

Сынков шагнул, потом резко, будто вспомнил что-то, развернулся. Но прозектор увидел, что он не вспомнил, а решился на что-то.

– Да, Роман Андреевич, такое дело, – полез в карман следователь.

– Что-нибудь ещё?

– Угу. – Сынков сунул ему в руку фото с маленькой девочкой крупным планом. – Если к вам в руки попадёт этот ребёнок, отнесите к постановлению эпикриза внимательно.

– Не понял?

– Возможно, смерть её наступит от неестественных, скорее, насильственных факторов.

– Есть такие основания полагать?

– К сожалению, есть. Извините ещё раз, тороплюсь...

Сынков попытался развернуться, но был пойман под локоть, и сильная рука развернула его обратно.

– Поясните, Сергей Юрьевич, это важно в дальнейшем понимании ситуации. Конфиденциальность гарантирую.

– Верю. Но много сообщить не имею права. Скажем так, у нас есть опасения, что в городе вновь появился маньяк-педофил.

– Хм, – наморщил лоб патологоанатом, – тот самый с диссоциативным расстройством?

– Возможно, – ушёл от ответа «следак». – Вероятно, что нет, но, не исключено. Но только, т-с-с-с. Тут дело не только в панике, тут дело в тайне. От неё может зависеть жизнь ребёнка.

– Понимаю, – кивнул Роман Андреевич. – И не задержу более...

И вновь проводил очередного собеседника долгим пристальным взглядом, после того, как они пожали руки и разошлись. Какие же всё-таки беспокойные эти живые. Не в пример новопреставленным, имеющим очень рассудительную и основательную позицию и все предпосылки для неё. Нет, всё-таки с мёртвыми иметь дело значительно комфортнее и проще. Они не тягостятся страстями, присущими им при жизни, не видят смысла в умолчании, недомолвках или вранье, если это не противоречит их внутреннему уставу. Они не предают и не убивают.

И не подставляют.

Так думал про себя патологоанатом, совершенно не сомневаясь и веря, что научился понимать покойников. И не знал, что жизнь преподносит порой весьма неожиданные сюрпризы. Она так многогранна и невероятна, что в ней может случиться всё, что угодно.

Но это откровение ещё впереди.

5

А город Китеж продолжал жить, не смотря на то, что некоторые его жители предпочитали себе общество мертвецов. Лето разгоралось, маня тенистой зеленью дубрав, вода призывно журчала в речках и ходила барашками по глади озера, ласково приглашая войти в её первобытное прохладное лоно. Солнце поливало всё и вся щедрым светом и теплом, бездумно и расточительно. Люди работали и отдыхали, отирая пот и улыбаясь выходным. Они пили и ели, встречались и целовались. Они предавались любви. И, конечно, иногда умирали. Всё, как и положено в огромном круговороте жизни, где смерть – его естественная составляющая часть. Но индивидуальное горе растворялось в общем позитиве эмоций. Умирали ведь в основном те, кто и так должен был это сделать по естественным причинам. Или им просто фатально не повезло. Так тоже бывает, иногда чаще, чем хотелось бы. А остальные даже и думать не хотели о том, что когда-то, может и скоро, например, завтра или прямо сейчас их постигнет такая же участь. Нет, они об этом совсем не задумывались. Они хотели жить и наслаждаться этой жизнью. Радоваться, жить и любить.

Особенно молодые.

Такие, как санитар Женя, который под вечер выбрался на остывающие улицы Китежа. Собираясь приятно провести время со своей новой знакомой, которая в этом году окончила школу и теперь готовилась к поступлению в университет. Она тоже проштудировала назначенный на сегодня объём заданий и теперь шла к нему на встречу, собираясь пересечься в городском сквере у памятника Ленину, где на лавочках любят тянуть пивко и «ягу» местные подростки, сбиваясь в кучки и стайки по интересам. Тут мирно сосуществовали готы и эмо, гопники и хипстеры, мажоры и пролетарии. Территория сквера считалась чем-то вроде священной зоны вечного перемирия, как в мультике про Маугли. Те, кто хотел выяснить отношения, всегда покидали сквер, углубляясь в соседние дворы и палисады, чтобы не осквернять эту Мекку покоя кровью и святотатственными матюками. Исключения, конечно, случались, но не приветствовались теми, кто чтит внутренний кодекс.

Женя издали увидел свою новую подругу и помахал ей рукой. Та шла ему навстречу, помахивая сумочкой и прикрывая глаза ладонью, козырьком приложенной ко лбу. От солнца, опустившегося к срезу крыш, не спасали и широкие тёмные очки. Подходя, Женя в очередной раз оценил точёные формы миниатюрной фигурки, сам себе немного и приятно позавидовав. Недавнее знакомство обещало быть перспективным.

– Привет, Светка! – попытался поцеловать её в щёку, слегка прихватив за талию, Женя.

– Привет, – она аккуратно и грациозно вывернулась, так, что санитар чмокнул воздух.

– Погуляем? – не стал смущаться он. – Или зависнем в кафе?

На кафе денег у Жени особо не было, поэтому он надеялся, что Света сыта и расположена пройтись по городу среди тополей, клёнов и каштанов. Мимо аутентичного кремля и радующих глаз старых зданий на Советской, выполненных в заброшенном теперь стиле неоклассицизма. Возможно, они ненавязчиво забредут на Берёзовую аллею, а потом и дальше, к Светлояру, и ещё дальше, вдоль берега, где уже шумит листвой дубрава и концентрация жителей на квадратный километр падает до пары особей, которые тоже хотят уединения.

И ему повезло.

– Не, давай просто пошарахаемся. Голова опухла от учения. Хочу проветриться. Только купим минералки по дороге.

– О`кей, – с явным облегчением тут же поддержал идею Женя и ухватил её за руку, увлекая прочь из сквера. – Я тоже второй день, как чумной. На работе завал. Поспать некогда. Покойники беспокоят, не дают расслабиться. Хоть дядя Рома и говорит, что от живых вреда

больше, но и мертвяки – те ещё зануды. Опиши их всех, заполни все формуляры, да не перепутай ничего. Они ж сами за себя ответить не могут...

– Ага, – улыбнулась Светка, которой нравилась романтика Женькиной работы. – Бирки им на палец ноги привяжи...

– А вот и нет! – санитар тоже улыбнулся во весь рот. – Бирки вяжут или на запястье, или на щиколотку. С пальца бирка слетит на раз. Ищи потом её по всему моргу. А сам трупак не подскажет тебе свою фамилию.

– Расскажи, тебе там по ночам не страшно одному среди мертвецов?

– Да какое там! – Женя надулся, как голубь, стайку которых он спугнул, заставив разлететься с пути. – Нет времени об этих пустяках думать. Да и я там не один. Дядя Рома все ночи почти проводит в «холодной». Он, правда, не любит, чтобы его там беспокоили. Но его присутствие явно ощущается, когда ты идёшь в полумраке по пустым коридорам.

– А что он там делает?

– Да в основном занимается своей рутинной. Препарирует трупы, ищет причины смерти. Работа у него такая. Он вообще профессионал. Мастер своего дела. Иногда может всё узнать, даже не вскрывая покойника. И не ошибается. А когда я его спросил, как это у него выходит, он пошутил, что покойники ему сами об этом говорят.

– Да он шутник прям, – серьёзно сказала Светка. – Петросян.

– Он своеобразный человек. Но, умный, этого не отнимешь. С ним поговорить приятно. Только он любит так тебя загрузить, что скоро ты теряешь понятие, о чём разговор, и уже тупо хлопаешь ушами. И юмор у него такой же. Не сказать, что чёрный, но невесёлый что ли. Хоть и не пошлый. Дядя Рома, он сам-то не мрачный, просто сдержанный. С людьми дистанцию держит. Больше с мёртвыми любит время проводить. Он вообще к трупам с уважением относится. Не к телам, а к личностям покойников. Понимаешь?

– Не очень. Он что, думает, что они теперь на том свете, и оттуда за ним наблюдают? Следят, как он к ним относится?

– Вроде того. Без пренебрежения относится, с пиететом. Только ещё поговаривают, что он умеет с ними с того света как-то общаться. И они ему отвечают на его вопросы.

– Интересно...

– Ещё как. Но это не всё. Ещё говорят, что он любит во время своих спиритических сеансов сажать труп за стол, наливать ему и себе чай, и пить, придавая беседе непринуждённости.

– Это как?! – глаза у Светки стали почти круглыми.

– А вот не знаю! – тут Женя вспомнил про свой давний хитрый план. – Слушай! Я всё хотел за этим сам понаблюдать, но пока не решил, как это лучше сделать. Тут такое дело. Мне бы видеоканнеру хорошую, я б тогда её пристроил где-нибудь в «холодной», в укромном уголке, а потом запись бы посмотрел. У тебя есть?

– Есть. Отец год назад подарил. Он себе новую взял, а я эту выпросила. Он с нами не живёт. Ушел от матери, когда она с одним бизнесменом закрутила. Она сейчас к нему в Москву переехала, так что я сама теперь за бабкой и сестрой приглядываю. А камера валяется теперь без дела. Только раз ей пользовалась, когда с родаками на море ездила. Там мама как раз и встретила того буржуя.

– А ты не одобряешь?

– Не знаю. Отец хороший. Но замкнутый. Как твой дядя Рома. Работа у него такая. Вечно в делах, в проблемах. Вот она и нашла себе кого поинтереснее, и побогаче заодно. Отец ушёл к своим родителям, но со мной общается. А вот с мамой категорически нет.

– Ясно. Вон ларёк, давай купим воды!

Они подошли, и Женя полез в карманы в поисках монет, но Света опередила его и, щёлкнув сумочкой, сказала:

– Не парься, я возьму!

Она потянула из её недр кошелек и зацепила паспорт, который выпал на асфальт. Женя галантно и споро подхватил красную «паспортину» и, подняв, не удержался и раскрыл.

– Ой, там я на фото не очень получилась! – спохватилась Светка.

– Не, ты тут тоже красивая! Светлана Сергеевна Сынкова! Какая смешная фамилия!

– Нормальная фамилия! – фыркнула она в ответ и сказала в окошко: – Дайте одну воду без газа!

– Держи! – Женя сунул ей паспорт обратно. – Тогда вечером я к тебе зайду? Камеру дашь?

– Зайдём. «Зарядку» заодно возьмёшь, а то она разряжается быстро. Подключишь к розетке, тогда и снимешь всё, что надо. Так прямо с «зарядкой» и оставляй. Там карта памяти большая. На много часов хватает. Только смотреть будем вместе!

– Забились! – повеселел Женя. – Вместо ужастика! Мне сегодня в ночь, вот и испытаем сразу в полевых условиях!

А потом они отправились бродить в тени раскидистых деревьев по улицам тихого и спокойного, замершего в вечерней неге Китежа, болтая обо всём и ни о чём, держась за руки и проникаясь друг к другу новыми, неизведанными чувствами, которые так интересны молодым и неопытным мальчикам и девочкам. Они манят их, заставляя совершать безумства и подвиги, возлагая на алтарь природы то, что все привыкли называть любовью.

И совсем другие чувства испытывал Сергей Сынков, когда в паре с Лёней Сыктывкарским входил в особняк Панкрата. Весь день он мотался по новым делам, которые невозможно было отложить, судорожно отвечая на звонки Лёни. К вечеру тот встретил его у управления и любезно подвёз на «стрелку» к бегавшему по потолку безутешному папаше. В детали Сергей Лёню посвящать не стал по старой следовательской привычке. Панкрат изъявил желание встретиться со следователем лично, так как насовсем документацию тот никому в чужие руки бы не отдал, даже копии, а он хотел убедиться во всём не на словах, а на бумаге. И Сергею пришлось катиться за город с вором, чтобы другой авторитет удовлетворил бы своё раздражённое любопытство. Заодно и посмотреть, как там живут эти местечковые полуолигархи-полугангстеры. Бывшие бандиты и теперешние предприниматели.

Встретили их двое амбалов в пиджаках с оттопыренными боками, там, где пряталась оперативная кобура, которые были то ли личной охраной вкупе с «ВОХРОм», то ли дворецкими или привратниками, которые нарисовались за отъехавшими вбок массивными воротами. Заметив за рулём Лёню, они сдержанно покивали, демонстрируя узнавание и уважение. По Сергею они недоверчиво мазанули взглядами, неприятными, как крупная наждачка, но так как он сидел рядом со смотрящим, иммунитет его был очевиден, и они не стали задавать ненужных вопросов. Тем более, и так было понятно, кто, с кем и для чего сегодня сюда прибывает. Нормальные тупые быки со стриженными затылками и каменными жопами натренированного пушечного мяса. Эдакие «зерги» при дворе на короткой цепи. И «пушки» скорее всего незарегистрированные.

Но это сейчас следователя не волновало.

Больше его беспокоил Панкрат, который вышел от нетерпения на веранду сам, протягивая руку Лёне. Огромный, обрюзгший, мордатый, и в лучшие времена выглядевший ужасно, а теперь ещё больше опухший и немного «поехавший» от постигшей его утраты. Бывший то ли спортсмен, то ли просто здоровяк, успевший в девяностые ловко пристроиться к удачливой «бригаде», где и вырос в современного злобного, малоумного, но хитрого отморозка. Он ловко вывернулся в своё время, успев и не попасть в тюрьму, и накопить, а потом сохранить и приумножить капитал, и завести жену и ребёнка. В общем, голова его была на месте в те далёкие времена. К сожалению, те её тёмные части, что помогли выжить в мясорубке большого передела сфер влияния, теперь вылились в гипертрофированное эго, которое и грызло его изнутри, заставляя трепетать окружающих его «шестёрку». Деформация усугубилась и стала необратимой. Его бронепоезд уже пыхтел всеми парами, клацая смазанными пулемётами и оглашая

округу орочьим криком прихвостней, вот-вот готовый сорваться в убийственно-разрушительный «зерг-раш».

И Сергею предстояло уберечь город и конкретно одну дурную девку из столицы, теперь валявшуюся в коме из-за постигшего её и так сурового и справедливого наказания от гнева этого богатого упыря. Теперь тот уже не считался «братком», а уважительно именовался бизнесменом. Который подмял львиную долю рынка недвижимости Китежа, имея под собой риэлторские конторы, строительные фирмы, «лапу» в администрации в виде старых друзей и новых помазанников. Помазанных сладким миром «баксов» и «евро» и осенённых крестным знаменем безнаказанности от презренной власти жёлтых металлов, коими он заливал алчные глотки прокуроров и судей. За что ему и его коdle многое прощалось, на многое закрывались глаза, плюс, шло общее мощное содействие в выигрыше тендеров и подрядов, приумножая и заставляя процветать его местечковую кирпично-цементную империю.

Панкрат, а вернее, Панкратов Семён Кириллович, являл сейчас собой зрелище насколько неприятное, настолько же и отталкивающее. Он, как упоминалось, и в лучшие времена не смахивал на Мастроянни, а теперь совсем сдал. Нервный тик перекошил мордатое лицо, круглившееся неровными валами и морщинами, редующие волосы торчали клоками, глаза выпучились, как у рака, вращаясь с безумством механизма. Губастый рот, окружённый чернью небритой щетины брызгал мутной слюной, донося на выдохе смрад перегара. Брюхо тряслось с задержкой, будто весь его массив требовал большого усилия для сдвига, а потом инерция вопреки посылу колыхала его уже совершенно рандомно. Отчего создавалось впечатление, что мясо и костяк живут и движутся в разных плоскостях и временных отрезках.

Сергею Панкрат руки не подал, а спросил Лёню так, будто он с собой не человека привёл, а табуретку притащил:

– Это кто? Твой «следак»? Что там? Выяснили? – и уже к нему напрямую: – Говори!

– Ты не мельтеши, Панкрат, – спокойно и вальяжно посоветовал ему Лёня. – Давай присядем, спокойно всё «перетрём».

Являясь по статусу абсолютно независимым ни от каких внутренних обстоятельств, включающих такие, как гнев или милость людей, вроде Панкрата, Лёня мог себе позволить вести себя естественно. Непосредственно за его спиной, хоть и в тени, стояли очень серьёзные монструозные и одиозные фигуры, вроде коронованных воров федерального масштаба и курирующих их серых неприметных кардиналов из «Конторы Глубокого Бурения», которые давали ему плюс сто очков к независимости и свободе выражения. Пока на его подведомственной «земле» всё шло по утверждённому сверху «пятилетнему плану», такие незначительные происшествия, как смерть сына какого-то туземного авторитета, не имели никакого значения. И никак не могли ни навредить, ни подвергнуть угрозе не то что его жизнь, а даже просто его душевное равновесие. В отличие от того же Сергея, который хоть и стоял с другой стороны баррикад де юро, но вполне себе обязан был учитывать пожелания врагов де факто. И если этим заклятым друзьям что-то придётся не по нраву, убить его, конечно, не убьют, но крови могут попортить много. Не говоря уж об остальных простых смертных, непричастных и просто подвернувшихся под горячую жирную лапу.

А особенно, если всё-таки причастных.

Ведь если Панкрат выяснит конкретно про того, кто был виновен в смерти его тупорылого сына, кроме него самого, что очень вероятно, он непременно попросит Сергея отойти в сторону и прикрыть глаза, пока он будет наказывать виновника. И ему придётся это сделать. Ибо лучше иметь «глухаря», чем бодаться с его огромной кодлой, включающей не только «торпед», готовых терроризировать его самого и его семью, но и «тузов» сверху, всячески намекающих и настаивающих на спуске дела на тормозах.

Вот такой марлезонский балет.

Они сели в плетёные ротанговые кресла прямо на веранде, халдей тут же поднёс напитки, Лёня закурил. Два неизменных, как из ларца, одинаковых с лица, телохранителя «смотрящего» угнездились на периферии, а Сергей хлопнул папку на колени и сказал:

– Вы успокойтесь, Семён Кириллович. Я всё понимаю. Вы себе места не находите и со вчерашнего дня маетесь справедливым вопросом, как такое могло произойти. Только я вам сейчас скажу, пусть горькую, но правду. Вы должны смириться с тем фактом, что ваш сын был при жизни алкоголиком и наркоманом. Никто, кроме него самого не выбирал такой образ жизни. И повлиять на него могли, в первую очередь, вы сами. Только постфактум говорить об этом теперь неуместно. В общем, я вижу, что вы в нетерпении, поэтому томить не стану, а скажу кратко, сын ваш умер от того, что смешал алкоголь и наркотики. Что крайне не рекомендуют делать даже бывалые «торчки». И это его доконало. То есть, в смерти своей он виноват исключительно сам.

– Что он говорит? – спросил дувшего сизый вонючий дым Лёню Панкрат, снова с таким видом, будто удивился заговорившей табуретке.

– Ты глупой? – Лёня нахмурился и вперил свои совиные глазищи в мутные кроваво-бурые шарики Семёна Кирилловича. – Обожрался «ханки» твой сынок, да ещё «дрянью» «закинулся» сверху. Вот организм и не сдюжил. Он же у тебя не спортсмен, «ЗОЖ» не особо уважал. Ты сам, что ли, не видел? Или любовь твоя отцовская тебе глаза совсем пеленой покрыла? Так пора бы её сдёрнуть!

– Ты что говоришь такое? – медведем начал привставать из кресла Панкрат. – Ты про моего сына говоришь! Да я...

– Сядь!! – резко гаркнул Лёня и со сталью во взгляде метнул молнии на шагнувших к ним прихвостней в пиджаках. (Телохранители смотрящего напряглись, спрятав руки за полы, ухватывая «волыны», но, пока не выживая их). – Назад!!! Вы что тут, совсем «рамсы» попутали от горя?! Ты кто такой?! А вы кто такие?! Место, псы!! Я тебе кто? «Фантик» с пляжа? Ты мне тут не «лепи» фуфло про отцовские чувства! Сказано же, твой «колдырь» и «торчок» сам себя в гроб загнал! Так что ты теперь опять тут мне пену гонишь?!

– Леонид, – осел обратно в кресло и немного пришёл в себя Панкрат, всё же косо и неодобрительно зыркнув на следователя, – извини, не сдержался, но пойми, я же своего сына знал лучше, я же знал, чем и как он живёт! Всегда же всё нормально было! И лечил я его, и воспитывал. Он даже обещал мне за ум взяться. Вот, говорил, лето погуляю, и начну дочерней компанией рулить! Не хотел он помирать! Его отравили! У него ж и друзей-то не было! Одни прилипалы, да прихлебатели, стололазы и жополизы! А знаешь, как трудно, когда тебя не любят и не уважают, а только твоих богатств алчут? Вот он и пил! Он и бабу себе найти не мог, чтоб любила она его, а не деньги его и мои!! Ему трудно было!!

– Извини, Панкрат, – Лёня выбил из пачки новую сигарету, – теперь я тебе помочь ничем не могу. Факт свершился, надо его принять. И никого не винить в том, что судьба его так сложилась.

– Как это никого? – упрямо упёрся Панкрат, а потом верил взгляд в папку на коленях следователя. – Что ты там приволок? Покажи!

Сергей неохотно протянул ему документацию по эпикризу. Панкрат развязал бантик, откинул крышку, принялся пробегать листы с заключением патологоанатома. Он успокоился, то ли от того, что Лёня мигом поставил его на своё место, то ли от того, что почувал своим звериным чутьём подвох из-за общего напора вора и следователя, но, так как хитрожопием, в отличие от сына, его не обделили, начал изучать сухие факты официального заключения.

И нашёл уязвимую пятю.

– Метамфетамин или его производные! Это что?! Лёня, ты тут смотрящий! – и к Сергею: – ты, капитан, тут на страже закона, скажите мне тогда оба, откуда у нас в Китеже это говно?! Или ты, – он ткнул пальцем в вора, – вообще не в курсе дел, чем тут и как торгуют,

или ты, – жирный палец упёрся в Сергея, – мышей на своём посту не ловишь! Откуда у нас метамфетамин? Что?!! Все тут химики местные, сериалов насмотрелись и принялись «мет» варить?! А?! Знаю я, откуда ноги растут! Шалава эта московская привезла «дряни»!! Она и отравила моего сына! Я её порву на части!

– Это бездоказательно и голословно, – успел вставить с пересохшим горлом Сергей. – Я работаю персонально по этому вопросу и обещаю непременно выяснить все детали. И попрошу вас ничего до выяснения не предпринимать! Вам сейчас не об этом думать нужно, а о том, как достойно похоронить сына. А вопросами контроля за оборотом наркотиков занимаются специальные ведомства. Да теперь и не важно, откуда у нас тут «мет» «нарисовался». Важно то, чтобы больше от него никто не пострадал. Успокойтесь и не делайте необдуманных поступков на основе незрелых решений под влиянием момента и эмоций!

– Панкрат, не гони волну, – внёс свою лепту Лёня. – Серёга – человек слова, он выяснит все обстоятельства. А до тех пор ты не пикнешь и не дёрнешься. Это я тебе сказал. Ты услышал?!

Семён Кириллович тяжело посмотрел на смотрящего, не обещая взглядом ничего хорошего ни ему, ни следователю, ни той, что лежала в коме, так необдуманно угостив давеча бесполового его сынка отравой. Но возражать не стал, ибо был всё же немного умён, хитёр и вероломен. Сергей заметил это в секундном обмене взглядами. И понял, что ничем хорошим это закончиться не может. Поэтому добавил уже, как последний довод:

– Когда Перезрелова очнётся, первым, с кем она станет говорить, буду я. И я обязательно выясню, давала ли она «мет» вашему сыну. Если да, то она ваша. А я умою руки, отойду в сторону, и не буду мешать. Такие условия вам подходят?

– Вполне, – скрипнул зубами Панкрат.

– На этом и решим. Позвольте папку?

Сергей принял документацию обратно, встал, кивнул на прощание и вместе с Лёней, который тоже был мрачнее тучи, подался вон из негостеприимного особняка строительного воротилы и бандита с большой дороги Панкрата, уважаемого налогоплательщика, успешного предпринимателя, мецената и жирной отвратительной твари в человеческой шкуре.

С балкона вдруг вновь раздался оклик Панкрата:

– Леонид, а что это такое было недавно? Я про визит с обыском и изъятием картины с единорогом? Я слышал, у тебя такая же? К тебе приходили?

Лёня встал, обернулся и важно ответил:

– Не парься. Тебе же объяснили цели визита?

– Да. Только мне показалось, это дешёвый прогон.

– Так и мне так же сказали, – развёл руками смотрящий. – Думаю, что примерно так и есть, только посвящать в детали у них не принято. Тебе же сказали, что с тобой всё в порядке?

– Да. А это, правда – так?

– Раз сказали, значит – так. Не бери в голову эту ерунду. Тебе ещё сына хоронить. Всё, давай, масти и фарта!

– Тебе того же...

На том и разошлись. Панкрат остался стоять за перилами, а Лёня с Сергеем отправились с охранниками за ворота. Они уселись в машину, и Лёня, приказав «бодигардам» покурить на кислороде, повернулся и сообщил:

– Охрану поставить к Наташке надо.

Сергей кивнул.

– Что новенького по поводу нашего живучего развратника?

– Вернулись с отчётом мои люди из области. Проверили все местные детдома. По фото была опознана некая Мария Подкидная. Фамилию дали остроумы из детского дома. Пропала как раз год назад. Искали детдомовские своими силами, но решили, что её нашла, украла

и скрывает образумившаяся мать. Ходила до этого к ним одна забулдыга, мать её настоящая. Пробили мы её, пропала эта курва. Без вести. В то же примерно время. Концы в воду. И узнать, она ли украла, или нет, была ли с ней в тот момент Маша, когда она пропала, не было ли – не установлено. Вновь тупик.

– Ну а с художником-то что?

– Да что? Начали проверять потихоньку под благовидными поводами всех подозрительных людей подходящей состоятельности. Не у всех же есть возможность снимать качественное видео, располагать достаточной территорией для укрывания не только девочки, но и целого «поехавшего» придурка-извращенца. Работа идёт, только, боюсь, пошли и слухи. Чую, на шаг впереди этот «мегамогз». Смеётся теперь, из-за занавески, ручки потирает.

– Ну, не отчаивайся, «мент», – ухмыльнулся Лёня в своей язвительной манере, – гони её, тугу-печаль! Ты не бойся, надежду мы зарежем последней.

– Не смешно.

– Ладно, поехали отсюда, а то этот обмудок меня раздражает что-то, – Лёня указал на стоявшего на веранде и наблюдавшего за ними Панкрата. – Поужинаем...

Вечерело.

Уезжали, столь близкие между собой волею судьбы и столь далёкие друг от друга на ступеньках прихотливой жизненной иерархии люди от дома безутешного и злого упыря молча, насупившись и нахохлившись, как усталые, больные голуби. А вечер набирал силу, натекал на город, накрывая его сумерками, как саваном, и не оглядываясь ни на какие мелкие человеческие проблемы, страсти и слабости. Он их просто не осознавал, как не осознаёт морская волна сиюминутные неудобства песчинок на пляже.

Только люди – не песчинки, их обуревают желания и побуждения. Одни хотят просто жить, как любое живое существо. Другие размышляют о том, что жизнь – есть, не только благо, а скорее бремя. Как, например, одинокий скучающий подросток в сквере у памятника. Он с завистью провожал влюблённые парочки и горько раздумывал о том, что ему такое счастье не светит. Ещё бы! Отец пьёт, мать ругает, говоря, что надежды на него никакой, и только его младшая сестра мамин свет в конце тоннеля. Одноклассница, в которую он влюблён, смеётся над ним и игнорирует все робкие попытки сблизиться. Одноклассники третируют за оборванный вид и вопиющую нищету. Учителя твердят о том, что он недоумок, и ждёт его в лучшем случае карьера грузчика, а в худшем – тюрьма.

И только неизвестные, а от того близкие в своей анонимности люди с сайта о суициде, мягко, ненавязчиво, доходчиво и убедительно вещают и внушают: тебе здесь не место. Ты только зря мучаешься тут. Наберись храбрости, шагни за порог смерти. Никто не заплачет тут и не вспомнит тебя. Они только освобождённо выдохнут и скрыто порадуются с облегчением от бремени. Не копти небо, не терзай себя. Нет никаких запретов, они иллюзия и обман. Жизнь на этой планете и есть главная афёра. Кто не понял – ворочается в собственном поту и дерьме, пытаясь бесплодно что-то кому-то зазря доказать. А все умные уже давно перешагнули грань, стали свободными и чистыми. Весёлыми и неуязвимыми. Люди, как боги. Сами выбрали себе судьбу. А ведь дело за малым. Понять, что не кто-то над тобой определяет твою историю, а ты сам её творишь. Как в игре. Выйди на новый уровень, сломав стереотип. Сломав психологический барьер. Сломав пелену обмана.

Стань мёртвым.

И стань собой.

Вот только осталось преодолеть естественный природный инстинкт самосохранения. Но, на то тебе и разум. Разум побеждает рефлекс, даже самый безусловный. Осталось собраться с духом и шагнуть в нирвану, влиться во всеобщую благодать. Но, не сегодня.

Возможно, позже.

Подросток докурил сигаретку, сплюнул на асфальт и побрёл домой. К обрыднувшей семейке, к папе, вечно сидящему на кухне в облаке папиросного дыма и перегара, к маме в дырявом халате, с острыми ключицами и сопливой сестрой подмышкой. К рутине и обывательскому болоту. К вялой серой невнятной жизни здесь. Он уже не мечтал о том, как вырастет и выучится. Как станет кем-то, с кем станут считаться. Кем-то, кого станут уважать. И дарить любовь. Всё это миф и призраки.

Особенно любовь.

Его психика уже была надломлена и согнута прельстивыми шёпотками с сайтов. Краем сознания он понимал, что это ложь, огромная коварная ложь, только внешние обстоятельства перечёркивали здравый смысл, а добренькие анонимы из интернета липуче и так же сладко продолжают успокаивать, продолжают наставлять и коварно подначивать.

Эх, болото!

Ни радости, ни счастья, ни любви. Одни призраки этих аморфных понятий летают вокруг раздражающе неуловимо. Зацепиться не за что.

Примерно так же думал и главврач китежградской больницы, смотря на красивое лицо лежащей в коме Перезреловой. Он не волновался о том, что ему не хватает авторитета и признания. Денег и любви. Деньги он научился зарабатывать сам, а любовь в её естественном проявлении теперь его интересовала мало. Он ею не то, что пресытился, а просто некоторые ключевые моменты его биографии ловко сыграли с ним злую роковую шутку. Теперь его заводили совершенно другие мысли.

Например, лежащая перед ним покалеченная, но живая девушка. Модель. Красавица. Возомнившая о себе тварь, дающая лишь по расчету и с большим прицелом на будущее. Или просто от животной похоти, выбирая самцов по вкусу. А вот теперь она тут распластана на койке, совершенно беззащитная и доступная. Осталось только подождать, когда сойдут синяки и срастутся кости. Тогда никто не помешает ему воспользоваться этим прекрасным и беспмятным телом. Ведь женщины, по сути, и есть тела. Сосуды греха. Куклы для наслаждения. Когда они в сознании, они охотно или не очень, но отдаются за ухаживания или за плату, что, по сути, есть две стороны одной медали. А вот когда они специфично выключены из мира активного общения, да ещё так удачно, когда ты главврач, который в больнице царь и бог, вот тога и наступает его звёздный час. Тогда никто не вправе и не в силах помешать. Именно беззащитность и полная беспомощность заводят абсолютно. И пусть теперь отсутствует фактор опасности, теперь это ушло в прошлое. В этом был свой шарм, только за годы эффект его размылся, уступив место безопасности и безнаказанности. Ведь в своём роде тоже круто, когда тебе совершенно никто не вправе помешать!

Даже вездесущий прозектор, который умён и даже мудр. Но наивен и почти оторван от мира живых. Да, он знает о некоторых его слабостях, но только он замазан очень плотно. Именно в альянсе с ним идёт небольшая, но стабильно доходная торговля органами для трансплантации, именно он есть главная промышленная единица. От него зависит их качество. От его молчания зависит его же благополучие и возможность заниматься любимым делом, вместо отсидки за соучастие. А его альтруизм и благостность лишь успокаивают его совесть, заодно пополняя карман главврача на все сто процентов, без дележа. Позволение жить во флигеле, питаться бесплатно в столовой, стираться в «прачке», и главное, пить чай с покойниками, вот что не даёт ему думать о такой схеме, как о чём-то порочном и несправедливом. Хотя, если что-то надо, главврач никогда не откажет своему закадычному другу и однополчанину. Только прозектор не так меркантилен. Он выстроил свой собственный мир вокруг себя, набив шишек на прошлых попытках выйти к живым людям со своими откровениями. Теперь он окончательно закуклился в своём коконе. Да и думы его в основном и в целом обращены в мир мёртвых. Такой прозектор очень полезен. Он практически идеален, совершенен и незаменим. Он образец сверхчеловека, не отягощённого моралью, вернее, имеющего сугубо

свою индивидуальную мораль, которая плохо соотносится с моралью обывательской, но имеет место жить, поскольку мало её затрагивает. А на слабости и заскоки своего патрона прозектор не обращает внимания. Это не его епархия. Его это практически не касается. Поэтому до того прекрасного момента, когда эта спящая красавица станет его, главврача, игрушкой для утех, осталось совсем немного времени. Немного подождать. Ведь ожидание счастья даже гораздо более тревожит, чем его мимолётный момент наступления.

Но, всему своё время.

Главврач стоял в полумраке реанимационной палаты, в тиши, прерываемой только попискиванием датчиков. И не знал о том, что смерть гуляет где-то рядом, готовая предоставить его другу прозектору новых собеседников для чаепития. А жизнь, как её альтер эго, тоже не спит, являя своё чудо легко и естественно.

Прямо в соседнем блоке, где располагается родильное отделение. Именно там сейчас появился на свет новый человек, испуганно втянув свой первый воздух в лёгкие, и освобождённо закричав. А акушеры и счастливая уставшая мама смеялись и плакали, понимая, что этот маленький бессмысленный кусочек новой живой плоти и есть тут для них олицетворение счастья.

А не деньги и не власть.

Тем временем вечер катился по косому срезу вершущих дубравы, превращая город в аквариум, залитый не водой, а густым янтарём. В нём зажигались редкие неоновые вывески, пульсируя, как возбуждённые каракатицы. И какая-то из них выпустила уже в янтарь свой чернильно-фиолетовый мешок. Сумерки напивались воздухом, как губку, влажной полутьмой. Красными тревожными фосфоресцирующими рачками пролетали по улицам габаритные огоньки машин. Светофоры мигали рыбьим жёлтым глазом. А люди, как сонные дельфины фланировали по дну брусчатки, которой была выслана старая городская половина.

Окна вспыхивали одно за другим. Там, за их призрачной прозрачной плёнкой люди ужинали, смотрели новости и сериалы, переговаривались, ругались и шутили. Или просто болтали о насущных пустяках. Люди хотели жить, им не интересна смерть, которая тоже незримо и тихо бродила, в поисках тех, кому уже пришла пора уходить из этого приятно-сонного мира. Сегодня никакие трактора с пьяными «водилами» не вылетали поперёк главной, проходя колёсами по корпусам дорогих машин, сминая их, как скорлупу и с треском ломая кости тем, кто в них прятался. Никто не резал никого в порыве гнева или ревности. Не стрелял на разборках. Не топил за долги или прошлые обиды. Никто не прыгал с высоток вниз головой навстречу твёрдому асфальту. Никто не хотел умирать добровольно или насильно. Зато естественные причины могли подкрасться совсем тихо и незаметно на мягких предательских лапах. Так, что и не ожидаешь подвоха.

А смерть уже молча стоит за спиной, положе тебе руки на плечи.

Так случилось в этот вечер с заезжим священником, архимандритом Филаретом. Он завернул в гости (заодно по поводу обсуждения дел и передачи ценных указаний) к местному настоятелю Владимирской церкви, иерею Петру, по пути из столицы, где он имел аудиенцию у митрополита, в свой монастырь. Батюшка Пётр являлся его старым товарищем ещё до семинарских времён. Потом их жизни пошли разными путями, Пётр стал настоятелем, а Филарет ушёл в чёрное духовенство. Только старая дружба не пропала, и он при всякой оказии старался завернуть в Китеж, чтобы пообщаться, попросить совета или наставить своего старого друга Петра.

И вот во время вечерней трапезы за неспешной беседой со старым товарищем его сердце вдруг остановилось. Обширный инфаркт. Он ничего не почувствовал, так как застарелый сахарный диабет купировал всю боль за грудиной. Просто замер вдруг с открытым ртом на полуслове, а потом вилка выпала со звоном из руки и массивное его тело стало заваливаться набок. Батюшка Пётр вскочил, перепугано стал звать матушку Катерину, с трудом перевернул

Филарета на спину и бестолково пытался делать ему искусственное дыхание борода в бороду и непрямой массаж сердца, источенного некрозом и ишемией миокарда. Да только все эти «припарки» уже не могли помочь мёртвому, чья жизнь прервалась так, как ему и мечталось всегда, неожиданно и без мучений. И теперь душа его голубем взлетела, освобождённая окончательно, над засыпающим городом, обозревая его весь и сразу. Да что там, он теперь мог обозреть не только весь город, но и весь мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.